

ISSN 2542-128X

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

РИНЦ

№ 2(4)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ**

МОСКВА, 2017

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам IV международной заочной
научно-практической конференции*

№ 2 (4)
Март 2017 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2017

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Лобазова Ольга Федоровна – д-р филос. наук, проф. кафедры философии Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва;

Мащитько Сергей Михайлович – канд. филос. наук, доц. кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Беларусь, г. Минск;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам IV междунар. заочной науч.-практ. конф. – № 2 (4). – М.: Изд. «МЦНО», 2017. – 98 с.

ISSN 2542-128X

Сборник входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2017

Оглавление

Раздел 1. История и археология	6
1.1. Всеобщая история	6
ОБРАЗ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ КАК ЖЕРТВЫ НА АЛТАРЕ РЕВОЛЮЦИИ Ивонина Ольга Ивановна Тепикина Елена Петровна	6
ФУНКЦИИ ПИРА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ПЛАВАНИЕ О'КОРРА» И «CRITH GABLACH») Нехаева Светлана Валентиновна Романова Карина Владимировна	12
1.2. Отечественная история	16
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО Волкова Екатерина Александровна	16
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА В ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 ГГ. Егорова Валентина Павловна	22
Раздел 2. Политология	36
2.1. Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития	36
ИСТОКИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США Сидоров Сергей Александрович	36
2.2. Теория и философия политики, история и методология политической науки	44
ИДЕИ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ Кузьмина Екатерина Александровна Обидина Анна Сергеевна	44

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИИ В XXI ВЕКЕ Кузьмина Екатерина Александровна Тимирчев Илья Константинович	50
Раздел 3. Социология	57
3.1. Социальная структура, социальные институты и процессы	57
МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ДАННОЙ ПРОБЛЕМЕ Хетагурова Земфира Таймуразовна	57
Раздел 4. Философия	63
4.1. Социальная философия	63
ЦЕРКОВНОЕ ПЕРВЕНСТВО КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ Дуркин Руслан Алексеевич	63
Раздел 5. Юриспруденция	71
5.1. Административное право; административный процесс	71
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПП. 1 П. 1 СТ. 347 ТК ТС В ОТНОШЕНИИ ПЛАНОВЫХ (РЕГЛАМЕНТИРОВАННЫХ) ОПЕРАЦИЙ ПО ТЕКУЩЕМУ РЕМОНТУ И (ИЛИ) ТЕХНИЧЕСКОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ МОРСКОГО СУДНА ЗА ГРАНИЦЕЙ Маслий Андрей Игоревич	71
5.2. Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право	76
КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ Пастернак Светлана Николаевна	76

5.3. Международное право	84
К ВОПРОСУ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УЧАСТИЕ В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ Торилова Ирина Александровна Пяткина Виктория Вячеславовна	84
5.4. Трудовое право; право социального обеспечения	91
СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ВETERАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ Ковтун Надежда Анатольевна Соковых Ирина Ибрагимовна	91

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

1.1. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ОБРАЗ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ КАК ЖЕРТВЫ НА АЛТАРЕ РЕВОЛЮЦИИ

Ивонина Ольга Ивановна

*д-р ист. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный педагогический университет»,
РФ, Новосибирск*

Тепикина Елена Петровна

*студент, Институт истории, гуманитарного
и социального образования, ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный педагогический университет»,
РФ, Новосибирск*

ROSA LUXEMBURG'S IMAGE AS THE VICTIM ON THE REVOLUTION ALTAR

Olga Ivonina

*doctor of historical sciences,
professor of Novosibirsk State Pedagogic University,
Russia, Novosibirsk*

Elena Tepikina

*student of the Institute of History,
scholarship of Novosibirsk State Pedagogic University,
Russia, Novosibirsk*

Аннотация. В статье представлены идеи Р. Люксембург как революционерки, и как женщины, увлекающейся естественными отраслями науки. Дана характеристика ее образа и взгляды современников на представленную личность.

Abstract. The article presents the ideas of Rosa Luxemburg as revolutionary, and as women, was fond of natural Sciences. The characteristic of her character and attitudes of contemporaries to the person.

Ключевые слова: образ; гендер; Р. Люксембург; идеи; революция.

Keywords: image; gender; R. Luxemburg; ideas; revolution.

Социальная роль женщины чрезвычайно значима в любом обществе. С глубокой древности женщина – это мать, кормилица, хранительница домашнего очага. В связи с этим, характер эпохи проявился в создании «нового человека», который изменит ход истории.

Долгое время историки, философы говорили о принципиальной разнице между полами, обосновывая свои тезисы гражданской несостоятельностью женщин. Создавались образы слабых женщин, способных заниматься только бытовой деятельностью. Как указала С. Айвазова, вся загадка связана с тем, что это отношения социального неравенства, вытекающего из неравномерного распределения не только труда, но и обязанностей в других сферах, при которых женщина фактически раба мужчин [1]. Мыслители всех исторических эпох писали о женщинах, определяя их отличия от мужчин, создавая образцы женского поведения и репрезентации. Создавалась система оппозиций, наделенных ярлыками «мужское», «женское». Образ женщины был таков: пассивная, эмоциональная, заботливая, стоящая на вторых ролях. Образ мужчины противопоставлялся: активный, интеллектуальный, по природе честолюбивый, стоящий на лидирующих позициях. Однако Л. Репина отметила, что в ходе социально-экономических, культурных и политических изменений, произошла трансформация сознания, стало формироваться иное представление о женщинах в культуре [10, с. 43]. Начинает проследиваться разница в образах женщин. В 20-ых годах XX эта разница заключается в отличиях идеала дореволюционного периода и революционного.

Какой же он этот образ революционного периода? Для ответа на этот вопрос нам поможет исследование личности выдающейся деятельницы революционного движения Р. Люксембург.

На рубеже XX-XXI в. все больше нарастает интерес к наследию Розы Люксембург. Получают продолжения вопросы, связанные с обстоятельствами деятельности Розы, стали доступны новые материалы из архивов ГДР. Как отмечает Н. Ито важные документы собрались именно в Москве, так как именно здесь с 1922 года началась работа над собранием сочинений Розы Люксембург, а именно «О лекции «Рабство», прочитанной в партийной школе».

Помимо прочего возрастает интерес к культурным и гуманистическим взглядам Розы Люксембург, ее идеи относятся к решению «вечных вопросов» социально-экономической и политической борьбы, а именно за установление общественного строя, уничтожение эксплуатации и угнетения человека, что отметил в своей работе Г. Кайзер [6, с. 12].

Любопытно отметить, что при создании образа Р. Люксембург, всплывают проблемы в оценке современников представленной личности, например, бескомпромиссность идей Розы, что, по их мнению, делало ее «неудобной» фигурой в различных политических и идейных течениях. Как утверждает О. Любан, она была «занозой» и для коммунистов, и для социал-демократической партии [7, с. 42].

Э. Виттих выделяет дополнительные проблемы в оценки данной исторической личности [2, с. 10]. По мнению исследователя, политические споры вокруг Розы часто ведутся по меркам сегодняшнего дня, следовательно, являются не историчными. Э. Виттих показал отражение споров о памяти «Красной розе», в частности возникновение борьбы о сооружении памятника Розе Люксембург [3, с. 73]. Б. Орлов изложил свои взгляды в следующем русле: исследователь подчеркнул, что памятник должен изображать Розу не как «неистовую революционерку», а как мыслящую и обаятельную женщину [9, с. 329].

В публицистике и эпистолярном наследии Роза Люксембург покоряет чуткостью к слову, что отражено в ее работе «Рукопись о русской революции» [8]. О. Любан также подчеркнул, что прекрасный стиль ее языка не только интересен для чтения, но и наполнен мироощущением автора, которое сделало ее одним из значимых и своеобразных идеологов революционного движения [7, с. 42].

Цель работы – охарактеризовать образ Розы Люксембург как «жертвы революции».

Образ розы имеет достаточно яркий и устойчивый смысловой подтекст. Роза – это символ завершенности, полноты, совершенства. В средневековой культуре роза являлась символом крови Христа, страдающего Христа. Имя же Розы Люксембург было названо в одном

из произведений «срубленной розой». Однако стоит обратить внимание все же на то, что она предстает в женском, в человеческом облике. Выстраивается достаточно сложное представление и соответствие об этой необычной женщине: Роза Люксембург – Богородица – прекрасная женщина – жертва – Революция. Интересно подчеркнуть, что в советской публицистике 1920-х годов имя Роза ассоциировался с чем-то сакральным, Роза Люксембург, ее образ трансформировался в образ «Красной Розы», как «коммунистической мученицы», таким образом, произошел процесс канонизации этой женщины.

Судьба наследия Р. Люксембург в России вообще достаточно трудна и противоречива. Революционный ореол и гибель Розы были определяющими в отношении к ней, ее позиции. В.И. Ленин подчеркнул «орлиную» высоту уровня ее деятельности.

В произведении и переписке Розы Люксембург отражена свойственная ей антиавторитарность. Центральное место в восприятии Р. Люксембург занимает человек, созданный для счастья. Есть даже знаменитое выражение из ее произведений: человек «создан для счастья, как птица для полета» [3, с. 58]. В этой фразе идея Розы, идея в том, что человек обязан быть счастливым, в этом заключена «социальная гигиена». Роза Люксембург писала: «Быть прежде всего человеком – самое главное. А это значит: быть твердым, ясным и веселым не смотря ни на что, вопреки всему... Быть человеком – значит радостно бросить, если нужно, всю свою жизнь на «великие судьбы», значит в то же время и радоваться каждому светлому дню, каждому красивому облаку» [8]. К такой цели стремилась и сама Роза Люксембург. Она посветила свою жизнь борьбе за осуществление социализма во имя счастья людей. Ее идеалом был социализм, созданный в результате активной деятельности народа, базирующийся на неограниченной свободе и демократии. Социализм, гарантирующий постоянный мир.

Каждый компонент антиавторитарен. Все больше развивается самосознание пути к счастью, при котором «никто не даст нам избавленья: ни Бог, ни царь, ни герой» [8]. В ее взглядах была заложена идея того, что человек сам должен создать свое благополучие: «Добьемся мы освобождения своей собственной рукой» [8].

В свою очередь, всем этим в социальной и правовой составляющих социализма, взаимосвязей и взаимоотношениях, в области человеческих отношений обеспечивается возможность счастья и одновременно существует необходимость ответственности каждого и всех за развитие и жизнь всего человечества и каждого человека, за развитие природы, необходимость не допускать нарушений, а тем более

уничтожения всего: «Мир насилия должен быть разрушен, «но каждая пролитая слеза, которую можно осушить, – это обвинение, а человек, который, спеша по важным делам, просто по грубой невнимательности давит бедного червя, совершает преступление», – писала Роза Люксембург [8].

Образ «решительной революционерки» – это не единственное, что привлекает к личности Р. Люксембург. Как писали о ней ее соратники, она была социалистом с человеческим лицом». Она не переставала говорить, что пролетарская революция не нуждается в жестокости, убийстве людей: «Самая безудержная революционная энергия и самая великодушная человечность – в этом истинное дыхание социализма», – писала Роза [8]. Как отмечает Я. Драбкина, в вопросе активной защиты гуманистических ценностей Р. Люксембург проявляла знание и глубокое понимание культуры [5, с. 23]. Для Розы самыми проблемными вопросами являлись проблемы в области экономики, международных отношений, национальной культуры, отношения людей к природе и между собой. Ее наследие невозможно оторвать от культуры.

«Почему я живу так, как меньше всего мне хотелось жить?», – произнесла Р. Люксембург в художественном фильме Nikolay Yulksy «Rosa Luxemburg». Не смотря на все ее революционные взгляды, Роза позволяла себе мечтать и желать настоящую семью, с поездками за город, походы в оперу. Она умела ревновать, умела любить. Однако перед ней стоял еще один вопрос: «Мать или революционерка?». Р. Люксембург прожила всю жизнь в не зарегистрированном браке, а ее детьми были идеи.

В заключении хотелось бы отметить, что Р. Люксембург относится к «женщинам нового типа», которым присущи: самодисциплина, умение дорожить независимостью, поиск индивидуальности и самопрезентации. Она была требовательна не только к другим, но и к самой себе. В этой женщине сочетались неприятие к социальной несправедливости, аналитический ум и острое чувство прекрасного. Она желала, чтобы «черное сегодня» превратилось в «светлое завтра», ради которого приходится нести нечеловеческую боль и вину: «У меня такое чувство, что вся эта моральная трясина, через которую мы бредем, этот огромный сумасшедший дом, в котором мы живем, превратится однажды, вот так, в ночь с сегодня на завтра, словно по мановению волшебного жезла, в нечто невероятно величественное и грандиозное...» [4, с. 42]. Таким образом, Розе Люксембург приходилось принимать не простые решения, ей, как женщине, безусловно, «нового» типа, пришлось положить на алтарь революции свою «женскую судьбу».

Список литературы:

1. Айвазова С.Г. Гендерное равенство в контексте прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://owl.ru/win/books/gender/index.htm> (дата обращения 14.12.16).
2. Виттих Э. Споры вокруг памятника Розе Люксембург: борьба за историю//Роза Люксембург актуальные аспекты политической и научной деятельности. М.: 2004. С. 9-17
3. Виттих Э. Роза Люксембург: «...смело, уверенно и улыбаясь – несмотря ни на что...». М.: им. Сабашниковых. 2009. – 110 с.
4. Драбкин Я.С. Владимир Ленин, Роза Люксембург и другие революционеры // Левые в Европе XX века: люди и идеи: сб. ст. / Под ред. Н.П. Комоловой и В.В. Домье. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 26–45.
5. Драбкин Я.С. Роза Люксембург в треугольнике стран и культур // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели). М.: Памятники исторической мысли, 2004. – С. 22–35.
6. Кайзер Г. Роза Люксембург и ее друзья (Коллоквиум в Берлине). // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. (К 85-летию со дня гибели). М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 120 с.
7. Любан О. Научные публикации о Розе Люксембург в Германии после 1990 г. (Проблемы и тенденции) // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. (К 85-летию со дня гибели). М.: Памятники исторической мысли, 2004. – С. 42.
8. Люксембург Р. О социализме и русской революции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=98373> (дата обращения 29.11.16).
9. Орлов Б.С. Социал-демократия: история, теория, практика// Б.С. Орлов. М.: 2005. – 712 с.
10. Репина Л. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки, Хрестоматия. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 352 с.

ФУНКЦИИ ПИРА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ПЛАВАНИЕ О'КОРРА» И «CRITH GABLACH»)

Нехаева Светлана Валентиновна

*канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный педагогический университет»,
РФ, Новосибирск*

Романова Карина Владимировна

*студент, институт истории, гуманитарного
и социального образования, ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный педагогический университет»,
РФ, Новосибирск*

FUNCTIONS OF THE FEAST IN MEDIEVAL SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF "SWIMMING OF O' KORRA" AND "CRITH GABLACH")

Svetlana Nekhayeva

*candidate of historical sciences, associate professor, FGBOOU WAUGH
"The Novosibirsk state pedagogical university",
Russia, Novosibirsk*

Karina Romanova

*student, institute of history, arts and social education, FGBOOU WAUGH
"The Novosibirsk state pedagogical university",
Russia, Novosibirsk*

Аннотация. В докладе на основе анализа древнеирландского трактата «*Crith Gablach*» («Разветвленное распределение прав») и памятника средневековой ирландской литературы «*Плавание О'Корра*» выявляются многозначные функции пира в традиционном обществе, показана специфика развития пиршественной традиции и особенности функционального назначения публичных угощений в средневековой Ирландии.

Abstract. In the report on the basis of the analysis of the ancient Irish treatise "Crith Gablach" ("Branched distribution of the rights") and a

monument of medieval Irish literature "Okorr's Swimming" multi-unit functions of a feast in traditional society come to light, specifics of development of convivial tradition and feature of functional purpose of a public food in medieval Ireland are shown.

Ключевые слова: пир; социальный институт; функции пиршества; Ирландия; Средневековье; «Плавание О'Корра».

Keywords: feast; social institute; functions of a feast; Ireland; Middle Ages; "O'Korr's Swimming".

Пир в традиционном обществе выполнял очень важные функции, несопоставимые по своим масштабам и значимости с теми функциями, которые выполняют публичные угощения в современном мире. Одной из древнейших по происхождению была, видимо, *функция фертильная*: обильное коллективное застолье, сопряженное с жертвенными процедурами, осмысливалось как действие, направленное на обеспечение природного изобилия. С древнейших времен важную роль играла также *функция коммеморативная*: совместная трапеза служила для её участников напоминанием об их общем происхождении, общих предках, обрядах и обычаях; сотрапезники вспоминали о своем героическом прошлом, что способствовало *мобилизации коллективной памяти*. Пир, кроме того, являлся актом социальной коммуникации: он способствовал укреплению господствующих в обществе отношений. «Пир – одна из наиболее существенных форм социального общения, способ сплочения людей в коллективы, поддержания мира и общественного благополучия» [2, с. 359]. При этом коллективная трапеза играла важную роль не только в укреплении существующих связей, но и в создании новых, например, в процессе интеграции индивида в группу. Участие новичка в застолье составляло важную часть ритуала интеграции и означало, что он принял правила поведения и основополагающие ценности группы. Таким образом, с давних времен в полной мере реализовывались *интегративная и коммуникативная функции* пира. Сама трапеза являлась ритуалом или, скорее, совокупностью ритуалов, важным знаковым действием, которые делали пир событием не столько частной жизни, сколько знаковым общественным явлением.

О значимости пиршественной традиции в древнеирландском обществе говорят частые упоминания о пирах в средневековых нарративных источниках. Интрига многих эпических сказаний (примерами могут служить «Пир Брикрена», «Повесть о кабане Мак-Дато», «Похищение быка из Куальнге», «Разрушение заезжего дома Да

Дерга», «Разрушение дома Да Хока») строится вокруг событий, произошедших на пиру [7, с. 111–157; 5, с. 102–137, 131–140]. Судя по текстам ирландских повестей, составленных в VIII–XII столетиях, обширна также география коллективных застолий: регулярное устройство пиров характерно практически для всех провинций средневековой Ирландии [5, с. 100–101].

Важные сведения об институте пира и особенностях его развития в средневековой Ирландии содержатся в ирландском правовом трактате VIII в. «*Crith Gablach*» («*Разветвленное распределение прав*») [8] и в «*Плавании О'Корра*» – памятнике средневековой ирландской литературы, датированном предположительно XII–XIII столетиями [4]. На основе анализа этих сочинений можно сделать вывод о том, что в условиях консервации территориальной-племенной структуры ирландского социума пир долгое время сохранял в средневековой Ирландии многие архаические черты.

1) В отличие от других областей европейского региона, в ирландском обществе даже к концу раннего Средневековья остаются слабо выраженными *социально-политические функции* пира, так и не превратившегося в полной мере в инструмент властвования короны и распределения благ между подданными. Обязательства по организации угощений носят взаимный характер и затрагивают все слои свободного населения, независимо от их происхождения [8, с. 376–377, 385–386, 394]. При определенных обстоятельствах в «кормлении» могло быть отказано даже «королю королей» [8, с. 402].

2) Вместе с тем в средневековую эпоху усиливается свойственный кельтским публичным угощениям социально-регламентирующий характер. В условиях кастовости и жесткой иерархизированности ирландского общества публичные угощения выполняли *функции социального маркера*. Люди различного статуса могли приводить с собой на пир разное количество спутников, им полагалось разное (по объему и виду пищи) угощение [8, с. 376, 392, 394]. Таким образом, пир закреплял сложившуюся в раннесредневековом ирландском обществе иерархию, а также демонстрировал расстановку сил в социальных стратах разного уровня.

3) В отличие от пиршественных традиций германских народов, где пиры лишь подчеркивали и поддерживали социальное положение их участников и организаторов [3, с. 181], в ирландском средневековом обществе угощение имело более широкую функциональность. Как показывает сравнительный анализ текста «*Crith Gablach*» и «*Плавания О'Корра*», организация угощений на постоянной основе была в средневековой Ирландии чем-то вроде особой профессии [4, 301; 1, 142].

Фактически эта практика служила инструментом изменения социального положения организатора пира, средством повышения его социального статуса, что также указывает на архаичность характера пиршественной процедуры в средневековой Ирландии, генетически, видимо, восходящей к древнему варварскому (в данном случае кельтскому) институту «почетных пиров» [3, с. 180–181; 193–195].

Список литературы:

1. Бондаренко Г.В. Повседневная жизнь древних кельтов. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 396 с.
2. Гуревич А.Я. Пир // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. – М.: РОССПЭН, 2003. – 632 с. – С. 359–360.
3. Николаев Д. Почетные пиры в Западной Европе: средневековый ирландский институт *briugu* и традиции публичного угощения в Южной и Юго-Восточной Азии // Антропологический форум. – 2016. – № 28. – С. 180–198.
4. Плавание О'Корра: пер. А.В. Гараджи // Труды «Русской антропологической школы». – 2013. Т. 13. – С. 300–319.
5. Попенсков А.С. К образу пира в средневековой ирландской литературе // Одиссей. Человек в истории. 1999. Трапеза. – М.: Наука, 1999. – С. 100–108.
6. Предания и мифы средневековой Ирландии / Под ред. Г.К. Косикова; составление, перевод, вступит. статья и комментарии С.В. Шкунаева. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 284 с.
7. Саги об Уладах: пер. с ирланд. / Сост. Т. Михайлова; примеч. С. Шкунаева. – М.: Аграф, 2004. – 644 с.
8. Críth Gablach (Разветвленное распределение прав): перевод с древнеирланд. К.И. Самоходской // Средние века. – 2012. – Вып. 73 (3–4). – С. 374–404.

1.2. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Волкова Екатерина Александровна

*канд. ист. наук, доцент,
Воронежский государственный технический университет,
РФ, г. Воронеж*

THE MAIN STAGES OF THE FORMATION OF THE HISTORICAL VIEWS OF F.M. DOSTOYEVSKY

Ekaterina Volkova

*PhD in History, associate professor,
Voronezh State Technical University,
Russia, Voronezh*

Аннотация. В статье анализируются основные этапы формирования исторических взглядов Ф.М. Достоевского. Рассматривается роль идеологии почвенничества в формировании его взглядов. Центральной идеей почвенничества была национальная идея, идея «национальной почвы» как основополагающей доктрины социального и духовно-нравственного развития России. Писатель последовательно придерживался с определенной степенью модификации почвеннических идей до конца своей жизни.

Abstract. The article analyzes the main stages of the historical sights F.M. Dostoevsky. The author concludes that the origins of the formation of his views was “pochvennichestvo” ideology. Central “pochvennichestvo” idea was the national idea, the idea of “national soil” as a fundamental doctrine of the social, spiritual and moral development of Russia. The writer has consistently adhered to a certain degree of modification “pochvennichestvo” ideas until the end of his life.

Ключевые слова: история России; Ф.М. Достоевский; почвенничество; национальная идеология.

Keywords: History of Russia; Fyodor Dostoevsky; pochvennichestvo; national ideology.

Исследование места и роли Ф.М. Достоевского в истории российской общественной мысли следует начать с анализа его социально-исторических, идейно-политических и религиозных воззрений. Для этого необходимо обратиться к истокам формирования мировоззрения мыслителя.

Во второй половине 1840-х годов основу мировоззрения Достоевского составляли комбинации различных учений западноевропейских социалистов-утопистов А. Сен-Симона и Ш. Фурье. Мировоззрение молодого писателя формировалось стихийно, под воздействием обстоятельств – российской действительности, участником и свидетелем которой он был, и ближайшего окружения.

Хотя Достоевский умалял роль утопического социализма в своей жизни, идеи фурьеризма оставили заметный след в мировоззрении мыслителя, получили отражение в его художественных произведениях.

Утопические представления о будущем устройстве общества Достоевский сохранил на протяжении всей своей жизни.

Исследователь А.А. Иванова в своей книге «Философские открытия Ф.М. Достоевского» высказала следующее суждение, с которым в целом можно согласиться: «Достоевский сосредоточил свое внимание на трех глобальных проблемах: личности и общества, добра и зла, нравственности и власти. Над ними он думал в течение многих лет, продвигаясь мыслью своей в выводах, стремясь самостоятельно находить уязвимые места в собственных позициях, утверждаясь в том, что казалось верным» [2, с. 6]. Эта проблематика включала множество более детальных проблем, касавшихся личности и общества, их взаимодействия в самых различных, порой трагических, жизненных обстоятельствах. По словам Н.А. Бердяева, «Достоевский помешан на страдании и сострадании, это основная тема его творчества» [2, с. 7].

Пребывание на каторге и в ссылке коренным образом повлияли на мировоззрения мыслителя: во-первых, он превратился в последовательно православного человека. С годами его религиозные убеждения укреплялись и становились все более прочными.

Во-вторых, Достоевский в 1860-е годы решительно порывает с социализмом во всех его проявлениях. Пострадав от социализма, пусть в его утопической форме, Достоевский в дальнейшем не принимал социализм в любой его разновидности, будь то нигилизм, анархизм, народничество, идеология революционных демократов и т.п. Не случайно писатель ставит знак равенства между социализмом,

нигилизмом и мошенничеством при раскрытии образа Лебезятникова из «Преступления и наказания».

О слабом понимании Достоевским различных оттенков социализма говорит его первая встреча с Чернышевским в 1862 году, когда Федор Михайлович, обеспокоенный пожарами в Петербурге, посетил Николая Гавриловича и просил того повлиять на людей, осуществлявших поджоги. Хотя Чернышевский не знал никого из поджигателей и был далек от пожаров, он, видя тяжелое психическое состояние Достоевского, обещал ему выполнить его просьбу [6, с. 34].

В-третьих, Достоевский становится сторонником одного из идейно-политических течений русской мысли, идеологом российского почвенничества. Писатель последовательно придерживался с определенной степенью модификации почвеннических идей до конца своей жизни.

В научной литературе, посвященной творчеству Достоевского, присутствует точка зрения, согласно которой почвеннические воззрения мыслителя зародились еще в 1840-х годах. «Идеи, заложившие основу почвенничества, коренятся в эпохе учения и становления. Каторга и ссылка не переломили Достоевского, а лишь углубили убеждения, жившие в нем с детства, дали широкое знание народа, национальных типов, способствовали постижению сути русской души и уяснению своеобразия национального бытия...» - пишет О.В. Седельникова [3, с. 79].

Более того, указанный автор полагает, что «в образной структуре «Хозяйки» Достоевский уже в 40-е годы излагает основы концепции почвенничества. В повести создается противоречивый, неоднозначный образ народа, Катерина и Мурин представляют собой два противоположных полюса – духовной чистоты и нравственную бездну. <...> Художественная структура «Хозяйки» свидетельствует о том, что уже в 40-е годы Достоевский приходит к мысли о необходимости возврата интеллигенции к национальной почве и поиска нацией своего собственного пути, основанного на традициях народной жизни» [3, с. 71].

С подобной трактовкой периода возникновения почвенничества трудно согласиться. Во второй половине 1840-х годов в российском обществе еще не сложились необходимые условия для формирования национально-патриотических воззрений, к которым без сомнения следует отнести почвенническую идеологию. Общество находилось под жестким прессингом реакционного политического курса Николая I, который Н.А. Бердяев вполне справедливо характеризовал как «жуткий режим прусского юнкера Николая I» [1, с. 76]. Пресекались

даже самые поверхностные попытки свободомыслия и отступления от идеологического курса правительства в духе официально трактуемой доктрины «православие, самодержавие, народность». «Циркуляр Уварова,- пишет Н.И. Цимбаев,- приближал наступление единомыслия в России, создавал условия для появления журнальной монополии и безмерно затруднял возвращение в журналистику издателей и редакторов, чем-либо разгневавших власть. Все помнили недавнее закрытие «Европейца», «Телескопа», «Московского телеграфа», сломанные судьбы Полевого и Надеждина. Нравы журнального мира изменились и изменились к худшему» [7, с. 413].

Да и сами термины «почва» «почвенничество», не в агрономическом, а в социальном значении данных понятий появились лишь в 1847 году. Вряд ли молодой Достоевский мог не только познакомиться с сочинениями К.С. Аксакова, их впервые употребившими, но и осмыслить их на уровне целостной социально-исторической концепции. В повести «Хозяйка» мы не встретим какие-либо идеи, близкие к почвенническому, либо славянофильским воззрениям.

В начальный период своего творчества (вторая половина 1840-х годов) Достоевский еще не принадлежал целостно к какому-либо социально-политическому течению русской мысли. «...С полным основанием можно говорить о том, что уже в 1840-е годы общественную позицию Достоевского нельзя причислить к западническому или славянофильскому направлению» [3, с. 79]. Это утверждение О.В. Седельниковой вполне обоснованно, так как не только в 1840-е годы, но и после возвращения из Сибири Достоевский стремился примирить оба течения, возвыситься над западниками и славянофилами с собственных позиций почвенничества.

Почему именно в первой половине 1860-х годов в российском обществе появился термин «почва», на основе которого выросло целое социальное направление – «почвенничество» как одно из идейных течений общественно-политической мысли. Главной причиной формирования идеологии почвенничества стали кардинальные перемены в социально-политической жизни российского общества после смерти Николая I в феврале 1855 года и унижительного поражения России в Крымской войне (1853-1856).

В России в 1860-е годы одновременно сосуществовали различные комбинации идей просветительства и либерализма, которые получили широкое распространение в разных слоях общества, особенно в среде молодого поколения разночинной интеллигенции. Поскольку Россия продолжала пребывать в состоянии догоняющей модели в сравнении с ведущими странами Запада, то именно в 1860-е годы сложились

благоприятные объективные условия и субъективные предпосылки для осуществления модернизации самых различных сфер российского общества.

Современные исследователи подчеркивают, что сердцевиной почвенничества является, прежде всего, культурный и духовно-нравственный фундамент. «...Почва,- полагает исследователь Ю.И. Селезнев,- это тот духовно-нравственный пласт общественно-политической жизни, на основе которого только и возможна встреча и органическое соединение интеллигенции и народа, образованности и народной нравственности; культуры и народности» [6, с. 34].

По нашему представлению, почвенничество как идейно-политическое течение в российской общественной мысли являет собой совокупность разнообразных теоретических построений в русле русского национального самосознания. В Новой философской энциклопедии почвенничество трактуется как «литературное течение и направление общественной и философской мысли в России в 60-х гг. 19 в., основы мировоззрения которого восходили к идеям и обобщениям, циркулировавшим в рамках т.н. молодой редакции журнала «Москвитянин» (1850-1856)» [4, с. 237]. «Молодую редакцию» «Москвитянина», стоявшую на позициях славянофильства, в то время возглавлял А.А. Григорьев. Именно славянофилы впервые заявили доктрину «почвенничества», впервые употребили в идейном смысле сам термин «почва». К.С. Аксаков в 1847 году применил данный термин: «Мы похожи на растения, обнажившие от почвы свои корни» [5, с. 233].

Центральной идеей почвенничества была национальная идея, идея «национальной почвы» как основополагающей доктрины социального и духовно-нравственного развития России. В социально-философском смысле почвенничество представляло собой консервативную форму философского романтизма, который в истории отечественной философии был представлен А.А. Григорьевым и основные положения которого разделял Достоевский. Тезис «национальной почвы» стал исходным принципом данной социально-философской системы.

Таким образом, во второй половине 1840-х годов основу мировоззрения Достоевского составляли комбинации различных учений западноевропейских социалистов-утопистов А. Сен-Симона и Ш. Фурье. В 1860-е годы он решительно порывает с социализмом во всех его проявлениях. Достоевский становится сторонником одного из идейно-политических течений русской мысли, идеологом российского почвенничества. Писатель последовательно придерживался с определенной степенью модификации почвеннических идей до конца своей жизни.

Многие аспекты воззрения Достоевского на роль и место России в мире были использованы в последующих доктринах идеологов евразийства. Именно Достоевский оказался тем исследователем, который одним из первых предложил рассматривать Россию в качестве посредника, моста между Востоком и Западом, заложив тем самым фундаментальные основы будущего евразийства.

Теоретические основы социально-исторических и религиозных воззрений Достоевского были предопределены самим ходом российской истории, теми объективными социально-экономическими, политическими и духовно-нравственными условиями, в которых жил и творил мыслитель.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России / Н.А. Бердяев. - М.: ЗАО «Сварог и К», 1997.- С.76.
2. Иванова А.А. Философские открытия Ф.М. Достоевского / А.А. Иванова.- М.: Наука, 1995.- С.6.
3. Седельникова О.В. О формировании почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского / О.В. Седельникова // Достоевский. Материалы и исследования: Вып.16.- СПб.: Наука, 2001.- С.62.
4. Селезнев Ю.И. Достоевский.- 2-е изд. / Ю.И. Селезнев.- М.: Молодая гвардия, 1985.- С.237.
5. Соловьев Э.Г. Почвенничество / Э.Г. Соловьев // Новая философская энциклопедия в 4 т.: Т.3 / Рук. проекта В.С. Степин и Г.Ю. Семигин.- М.: Мысль, 2001.- С.303.
6. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.2.- М.: Худ. литература, 1990.- С.5-6.
7. Цимбаев Н.И. Московские споры либерального времени / Н.И. Цимбаев // Славянофильство.- 2-е изд. - М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2013.- С.413.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА В ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ РУССКО- ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 ГГ.

Егорова Валентина Павловна

*канд. ист. наук, профессор кафедры истории России
с древнейших времен до конца XIX в.,
Дагестанский государственный университет – ДГУ,
РФ, г. Махачкала*

CHARITABLE ACTIVITIES OF COMMITTEES OF THE RUSSIAN RED CROSS SOCIETY IN THE DAGESTAN REGION DURING THE RUSSIAN- JAPANESE WAR OF 1904-1905

Valentina Egorova

*candidate of historical sciences, professor of the Department of Russian
History from ancient times to the end of the XIX century,
Dagestan State University - DSU,
Russia, Makhachkala*

Аннотация. В статье характеризуется благотворительная деятельность в Дагестане местных комитетов Российского общества Красного Креста в годы Русско-японской войны 1904-1905 гг. В ней анализируются различные способы сбора денежных и материальных средств «на нужды войны» в городах и селах Дагестанской области и формы участия в нем должностных лиц областной и окружной администрации, а также сельских обществ.

Abstract. The article characterizes the charity work of local committees of Russian Red Cross Society in Daghestan during the Russian-Japanese war of 1904-1905. It also analyzes the various ways of collecting financial and material resources to the «needs of war» in the towns and villages of Daghestan region, and the forms of participation of the officials of the regional and district administration, and also of rural communities in this activity.

Ключевые слова: Дагестанская область; городское и сельское население; Русско-японская война; Российское общество Красного Креста; местные комитеты; благотворительность; денежные и материальные пожертвования.

Keywords: Daghestan region; urban and rural population; Russian-Japanese war; Russian Red Cross Society; Local committee; charity; monetary and material donations.

Тема «Дагестан в годы Русско-японской войны 1904-1905 гг.» весьма актуальна, так как она длительное время не находила должного внимания со стороны дагестанских ученых. Так, в 50-х – 60-х гг. XX века на страницах фундаментальных академических изданий вообще Русско-японской войне 1904–1905 гг. отводилось всего 14–15 строчек, на которых утверждалось, что «добровольцев» для участия в войне набирали принудительно, что «отрицательное отношение народных масс Дагестана к войне сказалось и в уклонении их от участия в кампании сбора пожертвований на войну, проводившейся властями» [11, с. 282-283]. В двухтомнике, опубликованном в начале XXI века, эта война в I главе «Дагестан в начале XX в.» вообще отсутствует. В ней она упомянута лишь в одном предложении – «Окончив войну с Японией, царизм направил на Северный Кавказ дополнительные воинские части для борьбы с революционным движением» [4, с. 29]. Авторы XI главы «Истории народов Северного Кавказа», посвященной кануну революции 1905 – 1907 гг., ограничились лишь кратким перечнем основных сражений Русско-японской войны, в которых принимали участие сформированные Терско-Кубанский и 2-ой Дагестанский полки [7, с. 421]. Отсюда следует, что ни в одном из названных трудов вопрос о благотворительных акциях населения Дагестана в ходе войны очень долго умалчивался.

Между тем еще в начале XX века автор фундаментальных трудов по истории Дагестанского конного полка и истории города Дербента, многочисленных публикаций по истории и этнографии Дагестана Е.И. Козубский посвятил данной теме работу «Отклики Русско-японской войны в Дагестане», написанную по горячим следам и содержащую большой ценный материал [8]. А в настоящее время над данной темой плодотворно работает доктор исторических наук Хаджи Мурад Доного, поднявший научный статус данной темы, начав ее освещение с газетной статьи, а в 2014 году закончив труд, в котором опубликовал массу архивных документов, впервые пущенных им в научный оборот [2].

В данной статье на базе этих и других материалов рассматриваются разнообразные формы проявления в Дагестанской

области «патриотического духа», вызванного «вероломным нападением японцев на Порт-Артур» и объявлением войны в области. Мы остановились на деятельности местных комитетов Российского общества Красного Креста по сбору средств для облегчения участи раненых и больных воинов и удовлетворения других нужд, вызванных войной. При этом считаем необходимым отметить, что готовность помочь больным и раненым для народов Дагестана во все времена была естественной, так как у них традиции взаимопомощи на все случаи жизни имели глубокие корни. Но во второй половине XIX – начале XX вв., находясь в составе Российской империи, они оказались в новой для них социально-политической, общественной, культурной среде. В рассматриваемое нами время традиционные формы взаимопомощи продолжали функционировать среди сельского населения Дагестанской области и в городах со смешанным населением, в котором преобладали русские, но ее формы приобретали иной характер, ибо в ее организации непосредственное участие теперь принимало государство. Это выражалось прежде всего в деятельности Российского общества Красного Креста, которое было создано 150 лет тому назад.

3 мая 1867 г. (по старому стилю) Александр II утвердил Устав Общества попечения о раненых и больных воинах. В столичных и губернских городах России были организованы местные управления, которые должны были содействовать «военной администрации во время военных действий в уходе за ранеными и больными военными служащими и в накоплении денежных и материальных средств для этой цели на случай войны». С этого года Российское общество Красного Креста принимало активное участие во всех российских военных акциях. В годы Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. оно «стало играть роль общероссийского координатора всей общественной и частной помощи» [6]. Об этом свидетельствует материал о деятельности его местных комитетов. В Дагестане функционировали следующие его отделения: в Темир-Хан-Шуре – местное управление общества Красного Креста и Дамский комитет этого общества, в Петровске – комитет для сбора и приема пожертвований на нужды армии, в Дербенте – местный комитет и Дамский кружок общества Красного Креста. Кроме того, сбором пожертвований «на нужды войны» официально занималась Канцелярия Военного губернатора Дагестанской области в Темир-Хан-Шуре, а на местах – окружные управления [2, с. 573].

Именно эти организации, а также сельские общества и стали центрами сбора разнообразных пожертвований на нужды войны. Они

были ориентированы прежде всего на сборы денежных средств, которые имели четко определенное назначение. Так, в некоторых местах формирования 2-го Дагестанского полка с середины марта до 20 апреля 1904 г. сельские жители собирали деньги и сразу же без посредников вручали их непосредственно сотням полка. Так было, например, в Андийском округе, где сельскими обществами Гумбетовского участка было пожертвовано из общественных штрафных сумм на нужды 5-й сотни 674 р., в Каратино-Технуцальском участке – 332 р. 45 коп., в районе помощника начальника этого участка – 579 р., в Ункратль-Дидоевском участке – 366 р. и в районе помощника начальника участка – 57 р., что в сумме составило 2008 р. 45 коп. [8, с. 14]. В Казикумухском обществе селение Кумух четырьмя всадникам-односельчанам выдало по 100 р., общество сел. Хурхи – 30 р. и сел. Кани – 10 р.

Во время пребывания полка в Петровске один бакинский купец пожертвовал на его нужды 700 р. На эти деньги для всадников полка было приобретено 120 черкесок. Группа бакинских купцов – мусульман собрала для полка 10825 р. Полк получил «несколько сот рублей», собранных в Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске и Дербенте [8, с. 14].

Действовавшие в городах Дагестанской области местные отделения Российского общества Красного Креста сразу же после объявления войны начали собирать денежные средства «для облегчения участи раненых и больных воинов и в удовлетворение других нужд» [8, с. 28]. В частности, уже 3 февраля 1904 г. собрание уполномоченных города Дербента единогласно постановило: «Отпустить 1000 руб. из запасного капитала и препроводить на нужды действующей армии на Дальнем Востоке» [9, с. 464].

5 февраля 1904 г. в Дербенте торжественно встречали первый воинский поезд, отправлявшийся с Кавказа на Дальний Восток. На железнодорожной платформе, как пишет Е.И. Козубский, «собралось все население города (тут были и русские, и татары, и армяне, и еврей)», которое единодушно «грянуло «ура», заглушившее музыку военного оркестра [9, с. 464]. Во время встречи с добровольцами дербентские железнодорожные служащие на собранные ими по подписке 130 руб. закупили для отправлявшихся на войну солдат чай, сахар, табак, спички, которые передали через уполномоченного офицера [9, с. 465].

7 февраля в Дербенте состоялась патриотическая манифестация железнодорожных служащих, учащихся местного училища и горожан [9, с. 465].

15 января 1905 г., в том же дербентском собрании, где «слушался отзыв главноуполномоченного общеземской организации помощи больным и раненым воинам на Дальнем Востоке», также было решено просить разрешения о выдаче ей из запасного капитала города 1000 руб. [9, с. 465].

В феврале-марте 1904 г. город Порт-Петровск тоже отправил в главное управление общества Красного Креста 1000 руб. Здесь подобным образом поступило общество Каспийская мануфактура, которое из собранных 2203 руб. 51 коп. одну тысячу отослало в фонд Красного Креста. В Темир-Хан-Шуриновское управление этого общества с января по ноябрь 1904 г. поступило 5273 руб. 81 коп.

Со второй половины XIX века в городах Дагестанской области широкое развитие получило любительское сценическое искусство. Любительские спектакли зачастую были «не только формой организации досуга, средством эстетического и нравственного воспитания населения, но и одним из материальных источников его благотворительности» [3, с. 247-248], которая в мирное время в основном выражалась в организации любительских спектаклей в пользу учебных заведений и нуждавшихся учащихся [3, с. 248 - 250].

Эта традиция не утратила своего значения и в рассматриваемое (военное) время, когда доходы от любительских спектаклей стали одним из надежных средств пополнения кассы Российского общества Красного Креста. Так, например, в феврале 1904 г. сбор от концерта госпожи Славянской в городе Темир-Хан-Шуре составил 31 р. 50 к. Здесь же были даны спектакли в пользу больных и раненых воинов (7 февраля), общества Красного Креста (22 февраля), на усиление военного флота (7 марта, 7 апреля и в мае), доход от которых составил 468 р. 59 к. [8, с. 33]. В городе Петровске спектакли в пользу раненых и больных воинов, организованные 22 февраля и 7 марта, дали весьма значительную прибыль – 118 р. 7 к. – от первого и 271 р. 61 к. – от второго.

В литературе перечислены следующие виды «общественных зрелищ и увеселений», устроенных в городе Дербенте в первой половине 1904 года: «26 февраля и 9 марта - спектакли в пользу Красного Креста (46 р. 58 к. и 96 р. 48 к.), 6 мая – гулянье в пользу 2-го Дагестанского конного полка и на усиление военного флота – 200 р. 13 к. (поровну), 14 мая – спектакль в пользу воинов на Дальнем Востоке – 45 р., 20 июня – проценты от спектакля в пользу Красного Креста – 45 р. 40 к.» [8, с. 33; 9, с. 645], что в сумме составило 433 р. 59 к.

Следует отметить, что этот вид благотворительной деятельности, как и другие, строго контролировался местной администрацией.

Об этом свидетельствует, например, многосторонняя переписка в феврале-марте 1905 г. между Военным губернатором Дагестанской области, председательницей Комитета для оказания пособия вдовам и сиротам, пострадавшим на войне, и его Почетным председателем Великим князем Сергеем Александровичем по поводу доставки 146 рублей 51 коп. – «чистого сбора, вырученного от спектакля, поставленного кружком любителей драматического искусства» города Темир-Хан-Шуры 13 февраля [2, с. 563 - 564].

В городах деятельность местных отделений Российского общества Красного Креста по сбору средств на благотворительные цели контролировали полицмейстеры, которые в своих рапортах информировали Военного губернатора о положении дел в этой сфере жизни городского населения области. Так, в частности, 4 марта 1905 г. полицмейстер города Дербента в своем рапорте доносил ему, что с концерта, организованного 26 февраля в пользу больных и раненых воинов, устроенного Дамским кружком Красного Креста, председателем которого являлась госпожа Щастливцева, «чистая выручка в размере 207 р. 6 к. была обращена по принадлежности». В нем были названы и такие статьи дохода от данного мероприятия, как продажа входных билетов, премии, продажа цветов и чая, работа буфета [2, с. 565 - 566].

Идентичный рапорт 2 мая 1905 г. направил Военному губернатору темир-хан-шуринский полицмейстер. В нем он «представил Его Превосходительству сто пятьдесят рублей 29 коп. чистого сбора, вырученного от спектакля, данного 22 апреля музыкально-драматическим кружком любителей в пользу раненых и больных охотников Дагестанского конного полка, прибывающих с Дальнего Востока». Председательницей этого Темир-Хан-Шуринаского кружка была В.С. Соловьева, которой губернатор в своем письме от 7 мая выразил «искреннюю признательность» и просил «передать любителям, принимавшим участие в спектакле, глубокую благодарность за оказанное ими сочувствие в столь благих делах» [2, с. 570 - 571].

Итак, из сказанного видно, что горожане Дагестанской области принимали посильное участие в финансировании через свои местные комитеты Российского общества Красного Креста, которое направляло их на «нужды войны». В сборе денежных средств «на нужды войны» участвовали и сельские общества Дагестана. За короткое время они собрали в Кайтаго-Табасаранском, Самурском, Темир-Хан-Шуринаском, Казикумухском, Кюринаском округах 5203 р. 19 коп. Какой вклад в эту копилку внесли отдельные общества и села, показано в приведенной ниже таблице, составленной нами на основании сведений, опубликованных Козубским в материалах «Дагестанского сборника» [8, с. 31-32].

Таблица 1.

**Единовременные пожертвования сельского населения
Дагестанской области на «нужды войны»**

№	Сёла и сельские общества	Сумма	№	Сёла и сельские общества	Сумма
<i>Казикумухский округ</i>					
1.	Кумухское сел. общество	1000 р.	16.	Кунды	10 р.
2.	Цовкра	10 р.	17.	Куркли	10 р.
3.	Хури	10 р.	18.	Арчугты	1 р.
4.	Хурукра	20 р.	19.	Шугни	3 р.
5.	Хойхи	10 р.	20.	Кулга	10 р.
6.	Багеклю	20 р.	21.	Лахир	2 р.
7.	Буртны	5 р.	22.	Ури	10 р.
8-9	Кани и Мугорх	25 р.	23.	Гомиях	10 р.
			24.	Шовкра	35 р.
10.	Унчугатль	30 р.	25.	Табахлю	50 р.
11.	Курла	3 р.	26.	Убра	8 р.
12.	Кукни	3 р.	27.	Палисма	10 р.
13.	Ахар	2 р.	28.	Вильтах	10 р.
14.	Вихли	5 р.	29.	Вирай	10 р.
15.	Хахар	10 р.		Отдельные жители округа	211 р.
				Итого	1543 р.
<i>Кайтаго-Табасаранский округ</i>					
30.	Каякентское сел. общество		33.	Гапкай-кентское сел. общество	
31.	Джавгат-кентское сел. общество		34.	Маджалиское сел. общество	
32.	Александр-кентское сел. общество		35.	Берекеевское сел. общество	
14 марта они вручили начальнику округа 600 р., другие общества просили за них отчислить из общественных сумм.					
<i>Кюринский округ</i>					
36.	Сел. Касумкент	125 р. 50 к.		Общества селений:	28 р. 65 к.
37.	Кутур-Кюринский участок	141 р. 17 к.	41.	Штул	
38.	Южно-Табасаранский участок	186 р. 67 к.	42.	Буркихан	
39.	Гюнейский участок	251 р. 60 к.	43.	Чирах	
40.	Курахский участок	125 р. 10 к.	44.	Хутхул	
				Итого	858 р. 69 к.

Самурский округ					
45.	Лучекский участок	58 р. 17 к.	48.	Шиназское сел. общество	149 р. 48к.
46.	Гапцахское сел. общество	930 р. 2 к.	49.	Ихрекское сел. общество	
47.	Ахтынское сел. общество	200 р.			
				Итого	1337 р. 67 к.
Темир-Хан-Шуринский округ					
50.	Чирюрт	13 р. 3 к.	61.	Кулецама	12 р.
51.	Кахулай-Торкале	20 р. 85 к.	62.	Аймаки	5 р.
52.	Гелли	20 р.	63.	Верхний Дженгутай	15 р.
53.	Дуранги	3 р.	64.	Оглы	10 р.
54.	Дургели	30 р.	65.	Ахкент	4 р.
55.	Урма	10 р.	66.	Апши	5 р.
56.	Чоглы	3 р.	67.	Карабудахкент	70 р.
57.	Параул	20 р.	68.	Тарки	150 р.
58.	Нижний Дженгутай	40 р.	69.	Большой Буйнак	17 р.
59.	Кака-Шура	20 р.	70.	«Разные жители» округа	203 р. 22 к.
60.	Кадар	15 р.	71.	Служащие при «деле Воробьева»	388 р. 77 к.
				Итого	1078 р. 83 к.

Всего в 69-ти селах и сельских обществах было собрано 5203 р. 19 к. Кроме этих единовременных пожертвований в управление Красного Креста поступали и периодические взносы, которые представляли собой отчисления из жалованья служащих различных учреждений области в размере от 1-го до 5-ти процентов [8, с. 30].

Приведенные в таблице статистические данные свидетельствуют о том, что более активным при сборе денежных пожертвований оказался Казикумухский округ, в котором в благотворительную акцию было вовлечено около 30 сел. Самый внушительный вклад сделало Кумухское сельское общество. Его взнос в размере 1000 р. составил почти две трети суммы, собранной в других селах этого округа. Следует также отметить Гапцахское сельское общество Самурского округа, которое собрало 930 р., что было больше, чем пожертвовали, например, 20 селений Темир-Хан-Шуринского округа вместе взятые.

В нашем источнике зафиксировано около 70-ти сельских обществ, участков и отдельных сел Дагестанской области, которые не остались равнодушными к призыву о помощи в связи с войной. В таблице фигурирует лишь одно село, пожертвовавшее 1 р., 2 села – 2 р., 5 сел – 3 р. Важно не количество собранных в них денег, а сам

факт участия сельских жителей в благотворительных мероприятиях, которые проходили организованно. Дело в том, что каждое сельское общество коллективно принимало решение о выделении средств из общественных сумм. Эти решения утверждались губернатором Дагестанской области. Об этом свидетельствуют документы. Так, 4 января 1904 г. начальник Кайтаго-Табасаранского округа представил на утверждение губернатору 5 приговоров сельских обществ, изъявивших желание отчислить из общественных сумм часть денег на надобности войны, и 504 р. 41 к. поступивших пожертвований. Это решение было принято «в присутствии собранных в Маджалисе всех сельских должностных лиц округа и почетных стариков» [2, с. 571 - 572].

Подобные приговоры о пожертвовании «на нужды Красного Креста и раненых воинов» 20 февраля составили сельский кадий, старшина и 205 членов общества сел. Хурукра Казикумухского округа [2, с. 575], 161 представитель от 560-ти членов сел. Кумух. Последние «единогласно постановили: пожертвовать на нужды раненых и убитых на Русско-японской войне» 10871 р. 46 к. [2, с. 576]. На утверждение губернатора такие же приговоры поступили в марте из селений Мугар Казикумухского округа [2, с. 571], Баршалай – Кайтаго-Табасаранского округа [2, с. 574] и других.

Пожертвования населения области «на нужды» войны выражались не только в денежных знаках. Жители дагестанских городов собирали и отправляли в вышестоящие отделения общества Красного Креста одежду, постельные принадлежности, бытовые предметы, продукты питания и пр. О номенклатуре материальных «взносов», об их размере и распределении между городами можно судить по помещенной ниже составленной нами таблице.

Таблица 2.

Пожертвования городских жителей Дагестанской области вещами, продуктами и пр. в 1904 г.

№ п/п	Наименование предметов одежды, постельного белья, бытовых вещей, продуктов питания и т.д.	Количество поступивших вещей и продуктов по городам (в штуках и пр.)			
		Темир-Хан-Шура	Дербент	Петровск	Итого
1.	Сорочки, рубашки	166	178	425*	769
2.	Кальсоны	120	36	271*	427
3.	Косынки, платки	12	48 (в т.ч. 12 больших)	60*	120
4.	Полотенца	6	36	450*	492
5.	Простыни	81	36	100*	217

6.	Нижние наволочки		12	50*	62
7.	Верхние наволочки	78	36	106*	220
8.	Набрюшники		52	145*	197
9.	Докторские халаты			12	12
10.	Кисеты для табака	158		1077*	1235
11.	Махорка	1 ящик в 2 пуда 34 фунта с куревом		2, 5 фунта	2 пуда 36,5 фунтов
12.	Табак			2,5 фунта	2,5 фунта
13.	Гильзы			2 коробки	2 коробки
14.	Патроны			3620	3620
15.	Перья стальные			4 короб.	4 короб.
16.	Конверты			15 короб.	15 короб.
17.	Бумага почтовая			15 пач.	15 пач.
18.	Чернила			6 бан.	6 бан.
19.	Кофе			1 бол. бан.	1 бол. бан.
20.	Иголки			1 пачка	1 пачка
21.	Ручки для перьев			60 шт.	60 шт.
22.	Мыло простое			1 пуд	1 пуд
23.	Мыло кусковое			5,5 дюжины	5,5 дюжины
24.	Сахар			36 фунтов	36 фунтов
25.	Чай	1 пуд 14 фунтов		16,5 фун.	1 пуд 30,25 фун.
26.	Фруктовые консервы	2 пуда 34 фунта			2 пуда 34 фунта
27.	Бязь			10 кусков	10 кусков
28.	Носки	27 пар	36 пар	636 пар*	699 пар
29.	Носовые платки			504 шт. *	504 шт.
30.	Теплые одеяла	8 шт.	12 шт.		20 шт.
31.	Пододеяльники		12 шт.		12 шт.
32.	Фуфайки	13 шт.	12 шт.		25 шт.
33.	Чулки теплые	10 пар			10 пар
34.	Портянки	60 шт.		290 шт.	350 шт.
35.	Челы на тюфяки	3 шт.			3 шт.
36.	Нитки серые			1 фунт	1 фунт
37.	Сенники		12 шт.		12 шт.
38.	Полшубки	1 шт.			1 шт.
39.	Халаты		12 шт.		12 шт.
40.	Туфли		12 пар		12 пар
41.	Бинты	25 аршин			25 аршин
42.	Марля	5 аршин	3 штуки		5 аршин + 3 штуки

Из таблицы видно, что номенклатура вещей, собранных для участников войны, была чрезвычайно разнообразной. Приведенные в ней их наименования свидетельствуют о том, что благотворители дагестанских городов позаботились прежде всего о том, чтобы снабдить воинов предметами одежды, среди которых по количественным показателям преобладает мужское нательное белье – рубашки или сорочки, кальсоны (мужское нижнее белье в виде длинных штанов) [10, с. 402]. Здесь же названы косынки (треугольные головные или шейные платки [10, с. 458], набрюшники (ватные или иные защитные повязки накладываемые на живот [10, с. 567]. Не забыли они и о носках, больше всего которых (636 пар!) изготовили мастерицы фабрики Каспийская мануфактура в городе Петровске. Фронтовикам из Темир-Хан-Шуры и Петровска было отправлено 350 штук портянок – специально подготовленных кусков ткани, предназначенных для обмотки ног вместо чулок.

Насколько важное значение придавалось официальными властями этим вещам, свидетельствует тот факт, что в «Положении о Кавказской конной бригаде», сформировавшейся для участия в войне с Японией, приведена таблица «предметам, которые всадник Кавказской конной бригады обязан был иметь при себе в военно-походное время», в которой первой названа «одежда». Под этой рубрикой перечень предметов начинается с таких ее составных частей, как «рубаша с исподними брюками и портянки». Они же входили и в состав вещей, включенных в строевой выюк всадника [8, с. 9; 2, с. 120]. В Темир-Хан-Шуре были изготовлены теплые вязаные шерстяные рубашки – фуфайки.

Определенное место среди вещей, отправленных в управление Российского общества Красного Креста, занимали также предметы постельных принадлежностей (простыни и наволочки), которые были изготовлены во всех трех городах Дагестанской области. К ним следует добавить теплые одеяла и пододеяльники, сенники (матрасы, набитые сеном или соломой) [10, с. 1063] и чехлы на тюфяки.

Особо следует отметить оригинальность пожертвованных вещей, отправленных из города Петровска. Среди них, как видно из таблицы, имелись предметы вооружения, письменные принадлежности и средства для почтовой связи с родными (конверты, почтовая бумага), бытовые вещи (иголки, мыло разных сортов).

Еще раз подчеркнем, что названный в таблице ассортимент пожертвованных вещей и продуктов питания вполне соответствовал требованиям названного выше «Положения», в соответствии с которым в строевых выюках всадников должны были располагаться мешочки с чаем и сахаром, иголками и нитками, мылом и т.п. [8, с. 9; 2, с. 121].

Из нашей таблицы видно, что благотворители всех трех городов Дагестанской области при подготовке названных в ней предметов, пожертвованных в фонд общества Красного Креста, проявили большое внимание к участникам войны на Дальнем Востоке, стараясь не только удовлетворить их потребности в необходимом, но и угостить их местными деликатесами – фруктовыми консервами.

Следует отметить, что в Темир-Хан-Шуре инициатором сбора пожертвований была супруга губернатора – В.Н. Тихонова. Она «пригласила городских дам принять участие в шитье разного белья для воинов». В результате уже в начале марта 1904 г. на пензенский склад Красного креста были отправлены «вещи в 5-ти ящиках и двух тюках» общим весом 24 пуда 14 фунтов (283 кг 726 г). В дополнение он сообщал, что «через некоторое время» из Темир-Хан-Шуры еще было отправлено разных вещей около 4-х пудов.

Подчеркнем также, что здесь 2-я рота Темир-Хан-Шурина резервного батальона пожертвовала 105 оригинальных кисетов, «сшитых самими солдатами». Они наполнили их пакетиками с табаком, фруктовым кофе, сахаром, 4-мя листами бумаги, 3-мя конвертами, нитками, иглками, мылом. Каждый такой «упакованный» кисет весил более 400 г. Всего горожане Темир-Хан-Шуры отправили фронтовикам 158 подобных кисетов «с разными необходимыми в солдатском быту мелочами» [8, с. 29 - 30].

Особое место в списке вещей занимают «курительные принадлежности». Так, Порт-Петровск отправил 3620 штук папирос и 1077 кисетов для табака, махорку. Кроме указанного в таблице в этом городе были отмечены персональные и курительные пожертвования от А.М. Михайлова – 101000 папирос и от Карагедова – 2 ящика махорки, а от Решетникова – 5 кусков бязи [8, с. 30 - 31].

В Порт-Петровске сбором вещей и продуктов питания занимался специально созданный комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам. Пожертвования, поступившие через этот комитет, и внесены нами в таблицу. В городе комитетом была открыта мастерская, изготовившая вещи, отмеченные нами в таблице значком *. В материалах «Дагестанского сборника» подчеркнуто: «Работа по изготовлению белья производилась безвозмездно горожанками г. Петровска. Все белье по описи сдано командиру 2-го Дагестанского полка Хану-Нахичеванскому для раздачи беднейшим всадникам» [8, с. 31]. Общество Каспийская мануфактура собрало 2203 р. Из них 763 р. 70 коп. было потрачено на заготовку белья, а 135 р. 70 коп. адресно предназначались на шитье черкесок для Дагестанского полка [8, с. 31].

В Темир-Хан-Шуре, как отмечал Булач Гаджиев, «делала подарки» для сражавшихся на Дальнем Востоке солдат «знатная часть» горожан, среди которых он назвал военного губернатора Дагестанской области В.И. Тихонова, фабриканта Х. Гаджиева, подполковника Алибекова, княгинь С.Г. Долгорукую и О.И. Туманову, продавца И. Килибеева, коммерсанта А. Мартиросова [1, с. 85]. Насколько активны были и другие жители областного центра, свидетельствует тот факт, что только в 1904 г. в выходявших на Кавказе газетах были напечатаны списки лиц, пожертвовавших «вещи, материалы, белье и деньги в пользу больных и раненых на Русско-японской войне», в которых числилось 100 темирханшуринцев [1, с. 167].

Анализ приведенных выше фактов свидетельствует о несостоятельности негативной оценки в прошлом благотворительных акций, организованных в Дагестанской области в пользу «больных и раненых воинов» и вообще «на нужды». Мы склонны их классифицировать как патриотические и гуманистические. Данная тема должна и в дальнейшем не игнорироваться, а всесторонне изучаться и популяризоваться, так как она имеет не только научное значение, но также сегодня и в будущем будет способствовать воспитанию у современной молодежи патриотизма, интернационализма и гуманизма.

Список литературы:

1. Гаджиев Булач. Темир-Хан-Шура. – Буйнакск, 1992. – 172 с.
2. Доного Хаджи Мурад. Дагестанцы на Русско-японской войне 1904 – 1905 гг.: Архивные документы, военные материалы, фольклор. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2014. – 632 с.
3. Егорова В.П. Культурная жизнь города Темир-Хан-Шуры во второй половине XIX – начале XX в. // Провинциальный город в XVIII – XXI вв. (история, экономика, культура) / Материалы международной научно-практической конференции (25 – 28 сентября 2008 г. г. Кизляр). – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2008. – С. 247-253
4. История Дагестана. В 4-х т. Т. II. – М.: Изд. «Наука», 1968. – 368 с.
5. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. 2: История Дагестана XX века / ИИАЭ ДНЦ РАН. – Махачкала: Изд. «Юпитер», 2005. – 664 с.
6. История Российского Красного Креста [Электронный ресурс] // Российский Красный Крест. Ростовское региональное отделение URL: <http://www.rostov-redcross.ru/about/history/> (дата обращения: 09 марта 2017 г.)
7. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: «Наука», 1988. – 659 с.

8. Козубский Е.И. Отклики Русско-японской войны в Дагестане // Дагестанский сборник. Вып. II – Темир-Хан-Шура, 1904. – Отд. III. – С. 1-33.
9. Козубский Е.И. История города Дербента. – Темир-Хан-Шура, 1906. – 468 с.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир и образование, 2015. – 1376 с.
11. Очерки истории Дагестана. – Махачкала: Даг. кн. изд.-во, 1957. – 457 с.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТОЛОГИЯ

2.1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ИСТОКИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

Сидоров Сергей Александрович

*д-р полит. наук, доцент,
Всероссийский государственный университет юстиции,
Дальневосточный институт (РПА Минюста России),
РФ, г. Хабаровск*

THE ORIGINS OF U.S. FOREIGN POLICY

Sergei Sidorov

*doctor of political sciences, assistant professor,
Russian state University of justice,
far East Institute (RPA of the Ministry of justice of Russia),
Russia, Khabarovsk,*

Аннотация. В статье сделана попытка показать истоки американской внешней политики. Автор приходит к выводу, что внешняя политика США после окончания Второй мировой войны не претерпела существенных изменений. А сформировавшаяся геополитическая стратегия стала основой внешней политики США.

Abstract. The article attempts to show the origins of American foreign policy. The author comes to the conclusion that US foreign policy after the Second world war has not changed significantly. And fledged geopolitical strategy became the basis of U.S. foreign policy.

Ключевые слова: геополитика; гарант мировой демократии; силовое превосходство; политика доминирования; управляющий хаос.

Keywords: geopolitics; the guarantor of world democracy; power superiority; domination; control chaos.

Предметом предстоящего рассмотрения станут предпосылки возникновения геополитических идей американского экспансионизма XX – начала XXI века. События последних десятилетий показывают, что Соединенные Штаты Америки прибегают к использованию различных методов борьбы за сохранение однополярного мира и своего лидерства. Во внешней политике США, по-прежнему придерживаются культа силы, используя изощренные технологии разрушения структуры власти и общества – *«hybrid warfare»* (гибридная война).

В 20-е годы прошлого столетия Президент США Вудро Вильсон провозгласил переход от традиционного американского изоляционизма к фундаментализму. По его мнению, США должны открыться миру и выступить на мировой арене как гарант мировой демократии и глобальная морская держава. При этом они должны взять на себя ответственность за организацию мира в соответствии со своими представлениями о политической демократии, свободной торговле и парламентаризме. Международная политика В. Вильсона легла в основу традиции «идеализма», предлагающего считать американские ценности как универсальные. Сущность их в том, что в первую очередь США должны преследовать свои «национальные интересы» и лишь затем обращать внимание на «ценности». Х. Макиндер в политике В. Вильсона видел англосаксонский империализм, активным сторонником которого он являлся.

Н. Спикмен в своей книге «Американская стратегия в мировой политике» рассматривал геополитику как важнейший инструмент конкретной международной политики, как систему формул, позволяющих выработать наиболее эффективную стратегию. Н. Спикмен считал, что в международном сообществе возможны все формы насилия в борьбе за выживание. Причем сила – это способность диктовать условия тем, кто не имеет силы или слабее [11; 18].

Следуя за Ф. Ратцелом и Х. Макиндером, и формируя собственные геополитические представления, К. Хаусхофер выделяет Евразию как центр мира, в самой середине которого находится осевой ареал, совпадающий с территорией Советской России. Россия занимает исключительно важное стратегическое положение на Евразийском континенте, территория которой богата полезными ископаемыми и

энергетическими ресурсами. При этом она подвергается воздействию со всех направлений, за исключением севера.

Очевиден факт, с началом холодной войны политика США направлена на установление мирового господства. Геополитическим планом завоевания мира послужил меморандум Совета Национальной Безопасности (NSC-68) от 1950 года, засекреченный до 1975 года, в основе которого лежали геополитические теории Х. Макиндера [7; 13]. Отметим, что все государства должны стремиться к мощи для достижения своих национальных целей, даже если эти цели не выходят за рамки простого выживания. При этом необходимо учитывать тот факт, что доступ к тем же ресурсам может быть получен мирным путем через глобальную систему свободной торговли, война имеет куда меньше экономического смысла, чем это было 200 или 300 лет тому назад.

В ряду агрессивных геополитических теорий важное место занимает «теория окружения» в основе, которой были заложены идеи Н. Спикмена и Х. Макиндера [17, р. 21]. Для достижения мировой гегемонии необходим контроль не столько над Хартлендом, сколько над «береговыми зонами» (Rimland). «Береговые зоны» – это не только место соприкосновения суши с морем, но и точки соприкосновения разных типов государственности, политико-конфессиональной ориентации или территории, которые можно сравнительно легко взять под контроль, окружить ими потенциального врага [3]. Согласно этой теории Советский Союз необходимо было окружить сетью враждебных блоков, военных морских и авиационных баз. США считали и считают, что для предотвращения возникновения и геополитической консолидации потенциального конкурента, необходимо расчленять все большие пространства, экономический и демографический потенциал которых способен превратить их в конкурента США.

Политика американского империализма сформировалась уже в годы Второй мировой войны. В 1944 году морской министр США Нокс заявил, что Соединенные Штаты – это господствующая морская и воздушная держава. И это дает право США создавать военные базы по всему периметру Европы: от Дании и Норвегии до Эгейского моря. В этот же период была сформулирована доктрина сдерживания. Суть ее сводилась к тому, что США следует сдерживать силой влияние Советского Союза. Более того, американское влияние необходимо неуклонно расширять в качестве гаранта безопасности в мире. Следовало изменить и оборонную политику США, основные усилия направив на политику окружения или сдерживания потенциального противника [16, р. 556; 19, р. 29].

Важно отметить, что идеи Дж. Уэллеса, изложенные в книге «Заокеанские базы», также легли в основу американского внешнеполитического курса. Он осовременил теорию «морской мощи» адмирала А. Мэхэна, настоятельно аргументировал, что американцам следует отказаться от континентальной ограниченности и возложить на себя бремя руководством мира. По его мнению, империализм – это есть отношение сильного к слабому. Разделение мира на сильных и слабых заключается в естественной природе вещей. Так, обращает на себя внимание тот факт, что после 1945 года в Европе служит 117 тыс. солдат и офицеров, из них 71 тыс. – в Германии, 23 тыс. – в Италии, 11 тыс. – в Великобритании. Их численность постоянно увеличивается за счет размещения военных контингентов в странах Балтии, Болгарии, Польше и др. Нам представляется, что военные базы США – форма колонизации мира путем внедрения власти и военной помощи на территорию государства. Для доминирования над морями и океанами планеты США в 130 странах мира разместили 702 военные и военноморские базы, где проходят службу 253 288 тыс. военнослужащих и гражданского персонала и столько же членов семей [1]. Американские историки Н. Пэделфорд и Дж. Линкольн считают, что все послевоенные альянсы США были созданы с целью установления американского силового превосходства сил в Евразии и контроля «окраинных земель» [12; 13]. Таким образом, создание заокеанских баз способствует расширению «отеческой» заботы США. События последних 15 лет являются ярким тому примером.

Американский геополитик Г. Киссинджер [4] отмечал, что политическая стратегия США состоит в объединении разрозненных «береговых зон» в одно целое, что позволит получить полный контроль над Евразией и СССР. Он предлагает действовать методом кнута и пряника: Вьетнам – войну, Китаю – сотрудничество. В тоже время он предупреждал о бесперспективности имперского пути, ссылаясь на судьбы империй.

Пропагандируя «общечеловеческие» идеалы американского универсализма и космополитизма, США еще с конца Второй мировой войны начали яростную идеологическую борьбу против принципа государственного суверенитета и сущности национальных культур. Чалмерс Джонсон подчеркнул, что оперируя многочисленными секретными базами за пределами нашей собственной страны, мы наблюдаем за тем, о чем говорят друг с другом люди в мире по телефону, по электронной почте, по факсу [5].

В опубликованной в 1946 году статье «Геополитика и американская послевоенная внешняя политика» Фландерс пишет, что

радиопередачи и деятельность радиостанций «Радио Свободы», «Голос Америки», а также «Радио Свободная Европа» направлены на подчинение и усиление военно-политической мощи США. Более того планировалось в рамках стратегии превратить Организацию Объединенных Наций в орудие достижения своих экспансионистских целей. Известный американский геополитик Дж. Уеллес подчеркивает, что наша граница везде, где могут спуститься американские парашютисты. Она повсюду, Америка борется вокруг всего шара. Другой американский геополитик Вейгерт подчеркивает, что границы нашей национальной зоны безопасности везде, где поставлены на карту американские интересы [2, с. 43]. В своих воспоминаниях сенатор Вайденберг, занимавшийся разработкой концепции и стратегией ООН пишет, что главная задача США в Будущем – это аннулировать Ялтинские соглашения. А для этого ООН должна стать орудием внешней политики США. По сути дела Организация Объединенных Наций является теперь не столько всемирной организацией, сколько организацией для американцев [9]. Необходимо подчеркнуть, что соглашения, подписанные в Ялте, четко разграничивают сферы влияния СССР и США. Однако США рассматривают это как препятствие на пути глобального мирового господства. Норвежский политолог и философ Харальд Офстад, охарактеризовав США как систему международного фашизма в мире [15, р. 205].

Главным инструментом политики США является Центральное разведывательное управление (ЦРУ). Оно годами выращивает армии недовольных (организация саботажа, перебоев с продуктами и т. п.) занимается поиском недовольных среди военных, частных предпринимателей, студентов и чиновников. Вот лишь некоторые примеры. Под руководством ЦРУ были проведены перевороты в Иране (1953 г.), Гватемале (1954 г.), Бразилии (1963 г.), Болгарии (1990 г.), Ираке (1993 г.), Сербии (2000 г.), Грузии (2003 г.), Украине (2014 г.). Необходимо заметить, что за последние десятилетие политика США направлена на обезглавливание стран, обладающих нефтегазовыми ресурсами. Дж. Фридман, руководитель Центра «Страфорд», подчеркнул, что США ежегодно тратят на поддержку демократии в странах мира миллиарды долларов. К примеру, в 2009 году на поддержку демократии в России было потрачено 200 млн. дол, а на подготовку событий на Украине (2004 г.) 65 млн. дол. Финансовые средства выделялись через «Фонд Евразия», «Фонд Возрождение» [10]. По мнению Сб. Бжезинского, контроль – это ключевое понятие американской стратегии, а цель – глобальное управление. Управляющий хаос – это альтернатива конструктивной роли Америки. Цветные революции

2011-2014 гг. обеспечили соблюдение национальных интересов США и НАТО. События в Грузии и в Украине предотвратили экспансию России и распространение ее влияния в регионе. В 2017 году Государственному департаменту США на поддержку демократии в соседних с Россией странах (Грузия, Молдавия, Украина) будет выделено 953 млн. долл по статье «противодействие Российской агрессии и созданию устойчивого правительства в Европе».

За последние годы практика свержения легитимных политических режимов, провоцирования внутрисоциальных нестабильности и конфликтов становится все более явной. С этой целью создан фонд по финансированию неправительственных организаций объемом 50 млн. долл. В этой связи характерно высказывание Роберта Болтона (в 1989-1993 годах помощник госсекретаря США по делам международных организаций), который подчеркнул, что США – сверхдержавы, и снесет каждого на своем пути [6]. Наряду с сохраняющимися очагами напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, Южной Азии, на Корейском полуострове появляются новые «горячие точки», расширяются зоны, не контролируемые властями каких-либо государств. США, продолжая политику распространения на Восток, следуют американской теории подвижных границ Ф. Тэрнера.

В ближайшие десятилетия нас ожидает борьба за власть над этим геополитическим пространством, которая станет важнейшей схваткой современной эпохи. Объявляя Северный Ледовитый океан и полярные районы вообще новым «стратегическим центром» мира, они призывали к необходимости полярной экспансии США в Канаду, Гренландию, Исландию и т. п. Эти районы являлись якобы силовым вакуумом, который США следовало бы заполнить первыми. Гренландию и Исландию американские геополитики определили «мостами на пути к СССР» [8].

Таким образом, мы видим, что перед окончанием Второй мировой войны сформировавшаяся геополитическая стратегия стала основой внешнеполитического курса США, которая на протяжении 70 лет не претерпела изменений, а новый миропорядок стал ее результатом.

В конечном счете, история подтвердила, что даже очень большая геополитическая мощь не позволяет контролировать бесконечно большие пространства. Яркими примерами тому являются попытки установления мирового господства (А. Македонский, Чингисхан, Наполеон, Гитлер) заканчивались крахом в силу объективных пределов самодостаточности. Биполярная геополитическая структура мира была не просто полувековым фактором стабильности, но и

является оптимальной моделью расстановки геополитических сил вообще.

Список литературы:

1. Военные базы США – форма колонизации мира, путем внедрения власти и военной мощи на территорию..? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dokumentika.org> (дата обращения: 27.05.2016).
2. Белашенко Т.К., Грачиков Г.Н. /Т.К. Белашенко, Г.Н. Грачиков У карты Мирового океана. – М.: Воениздат, 1980. 461 с.
3. Дергачев В. Битва за Украину. «Управляемый хаос». – Интернет-портал «Институт геополитики». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dergachev.ru/geop_events/Ukrainian-controlled-chaos-03.html#.U8jTIODM8g8 (дата обращения: 21.05.2016).
4. Дергачев В. Геополитика мировой кибервойны. – Вестник аналитики, 2011, № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://viktorvoksanaev.narod.ru/vestnik2011143.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).
5. Дергачев В. Демократическая «петля Анаконды»: новые рубежи евразийской геополитики США. – Вестник аналитики, 2007, № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dergachev.ru/analit/7.html>
6. Дергачев В. Оффшорная геополитика. – Вестник аналитики, 2011, № 4. http://dergachev.ru/geop_events/211211-01.html (дата обращения: 27.05.2016).
7. Институт геополитических проблем профессора Дергачева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/21/08.html> (дата обращения: 02.07.2016).
8. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты и грядущие конфликтах и битвах против неизбежного. – М.: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус». 2015. 520 с.
9. Российского агентства международной информации риа новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rian.ru> (дата обращения: 20.08.2016).
10. США потратят 953 млн долл. на поддержку соседних с Россией стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/ssha-potratyat-953-mln-na-podderzhku-sosednih-s-rossiey-stran> (дата обращения: 25.06.2016).
11. Смоляков В.А. Проблема взаимосвязей и соотношения внутренней и внешней политики. Теоретико-методологический аспект. – Владивосток, Издательство Дальневосточного гос. ун-та, 2004, 290 с.
12. International Politics: Foundations of International Relations. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://efl-education.ru/articles/foundation-international-relations-and-politics/> (дата обращения: 18.07.2016).

13. Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. – N.Y., 1962 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/478403/> (дата обращения: 27.05.2016).
14. Norman J. Padelford; George A. Lincoln The United Nations and the Rule of Law: Charter Development through the Handling of International Disputes and Situations. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.universityofcalicut.info/SDE/International_Politics_Пyear_4feb2015.pdf (дата обращения: 20.10.2016).
15. NSC-68. A Report to the National Security Council by the Executive Secretary on the United States Objectives and Programs for National Security, April 14, 1950, FRUS50/1 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.citizensource.com/History/20thCen/NSC68.PDF> (дата обращения: 27.05.2016).
16. Ofstad Harald Our Contempt for Weakness: Nazi Norms and Values – and Our Own. – Gothenburg: Almqvist & Wiksell International, 1989, 270 p.
17. Semmel Bernard Sir Halford Mackinder: Theorist of Imperialism (The Canadian Journal of Economics and Political Science, vol. 24 (November, 1958) pp. 554-561.
18. Spykman N. The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and Company, 1944. 66 p.
19. Tihonravov Yu.V. Геополитика // Politsentricheskaya geopolitika [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://society.polbu.ru/tihonravov_geopolitics/ch27_all.html (дата обращения: 05.11.2016).
20. Warner Fred Neal. The Cold War in Europe // N.D. Houghton (ed) Struggle Against History.U.S. Policy in an Age of Revolution. – New York: Simon and Schuster, 1968, pp. 21-32.

2.2. ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ИДЕИ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кузьмина Екатерина Александровна

канд. полит. наук, доц.

*Саратовская государственная юридическая академия – СГЮА,
РФ, г. Саратов*

Обидина Анна Сергеевна

студент,

*Саратовская государственная юридическая академия – СГЮА,
РФ, г. Саратов*

IDEAS OF UTOPIAN SOCIALISM: HISTORY AND MODERNITY

Ekaterina Kuzmina

*candidate of political sciences, associate professor
Saratov State Law Academy - SSLA ,
Russia, Saratov*

Anna Obidina

*student, Saratov State Law Academy - SSLA,
Russia, Saratov*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованиям, лежащим в области политологии и касающихся изучения феномена зарождения социалистически-утопических идеалов и постоянно перетекающих утопических идей в различных эпохах жизни человечества, в том числе в современности.

Актуальность темы заключается в том, что утопические идеалы всегда сопутствовали человеку. Идеи равенства, отсутствие денежного обмена и общего блага занимали умы мыслителей на самых ранних

этапах развития политической мысли. Современный нам мир не обошел стороной данную тенденцию. Несмотря на демократизацию большей части государств, идеи утопического равенства развиваются и популяризируются в обществе.

Abstract. This article is devoted to research lying in the field of political science and relating to the study of the phenomenon of the emergence of socialist-utopian ideals and constantly flowing utopian ideas to different ages of human life, including in modern times. The relevance of the topic lies in the fact that utopian ideals always accompanied man. The ideas of equality, the lack of money exchange and the common good occupied the minds of thinkers at the earliest stages of the development of political thought. The modern world does not ignore this trend and also, despite the democratization of most of the states, the ideas of utopian equality are developed and popularized in society.

Ключевые слова: социалисты; утопия; идеал; Франция.

Keywords: socialists; utopia; ideal; France.

Идеи социального переустройства как лучшего, справедливого, равного общества существовали в любых цивилизациях на различных стадиях развития. Зарождение утопических идей можно найти у всех народов в легендах, фольклоре и мифологии. В Древних Греции и Риме зачатки идей утопического социализма проявились в мечтании о возвращении минувшего «золотого века», когда люди не знали неравенства, частной собственности. Самая ранняя из утопий содержится в диалоге Платона «Государство». В нем мыслитель рассуждал о построении идеального государства путем определения истинной «справедливости» в обществе. Данная тема справедливого мироустройства была затронута большим количеством древнегреческих философов, ученых. Они искали наилучшие пути преодоления негативных издержек перехода от естественного состояния общества (доклассового) в наиболее сложное и развитое, которое неизбежно содержало в себе неравенство и эксплуатацию ради прогрессивного развития.

Утопия дословно означает «место, которого нет», но поиск этого места заняло сердца и разум многих ученых, философов, писателей последующих столетий. Утопия – это идеал, стремление изменить мир. Главная задача таких трудов – нарисовать картину безупречного мира, государства, общества и заставить обратить на себя несовершенный мир с целью исправить все недостатки. Так утопия изменяет действительность, приближая ее к своим идеалам о совершенном

мире. Подтверждением этой идеи являются учения социалистов-утопистов, заложивших основу для преобразования ранней европейской системы в современную, обеспечивающую социальные гарантии каждому гражданину.

До XVIII века социалистическая мысль Франции не имела заметных представителей. Опубликованная в 70-х годах XVIII века «История севарамбов» [1] Вераса стоит ниже «Утопии» [6] Мора, «Города солнца» [4] Кампанеллы, «Закона свободы» [8] Уинстенли. Однако во Франции социальные утопии XVII–XVIII веков выливались, как правило, в форму художественных романов-путешествий, где идеализированное общество добродетельных туземцев противопоставлялось полному несправедливости европейскому обществу.

В XVIII веке дело меняется коренным образом. Кризис феодального строя во Франции обусловил бурное развитие политической мысли. Прогрессивные мыслители ищут выход из тупика, в котором оказалась страна с 25-миллионным населением. Ведущее место среди этих мыслителей занимают Вольтер, Монтескье, Дидро, Руссо и многие другие, подвергавшие критике деспотизм с позиции разума.

Век Просвещения был временем высшего развития гуманистических и рационалистических начал, существовавших в политико-правовой идеологии. Утопические мысли существовали лишь в начальной стадии политического развития, не опираясь на теории прошлого. Разрабатывались первые идеалистические концепции, которые соответствовали той социально-политической реальности, в которой они существовали. Утопические мысли были прерогативой не только третьего сословия, но и людей из высшего класса. Так, например, Габриель Бонно де Мабли происходил из высшего сословия – дворянской семьи. Идеи Мабли относились к утопическим и были, по сравнению с другими утопистами, более приземленными в общественно-политическом плане. Признавая строй общности имуществ теоретически наилучшим, Мабли считал его практически неосуществимым. Статус сословия влиял лишь на степень радикализма взглядов, но в целом концепции мыслителей схожи. Утопическим идеям не мешали различные сословные деления.

Ни в коей мере не стирая различий между учениями Мелье [2], Мабли [5] и Морелли [7], необходимо подчеркнуть закономерную историческую ограниченность их утопий. Как правило, они ограничиваются абстрактным, притом весьма наивным, противопоставлением эксплуататорским порядкам картин коммунистического общества, находящихся за пределами реалистического понимания общественных отношений. Более того, рассматриваемые утопии во многом обращены

назад. Они либо воспевают дословный век, либо идеализируют патримониальные отношения, общины или родовые порядки, сохранившиеся на периферии цивилизации. Мабли считает, что счастливый строй общества мог бы быть основан только в лесах Америки или Африки. У дикарей этих мест еще нет собственности и порожденных ею страстей и предрассудков. В основном данные теории посвящены «сказочным землям» на другом конце Земли, где большая часть положения вещей общества додумывается в воображении мыслителя. Кроме того, данные утопии отличаются духом уравнительности. Всеобщей стандартизацией, полной регламентацией жизни, принудительному вступлению в брак – против всего этого особенно резко выступает Морелли. Равенство, проповедуемое в этих утопиях, – равенство потребностей. В целом утопии обычно относят к истории социалистических исканий в расширительном смысле этого слова. Они, подобно идеям, получившим выражение в идеологии народных антиэксплуататорских движений, отражают главным образом идеи и устремления классов и социальных слоев, сходящих с исторической арены в процессе социально-экономического развития общества к капитализму. Более точное их название – уравнительный коммунизм.

В современном мире уравнительные идеи не утратили своей актуальности. Они продолжают существовать и интерпретироваться в устах различных мыслителей. Жак Фреско (13.03.1916), промышленный дизайнер и футуролог, живущий во Флориде, активно популяризирует уравнительные идеи коммунизма (однако теории называются по-другому). Жак является директором и основателем организации «Проект Венера» [9]. Проект предлагает подход, который уничтожит нищету, преступность, войны и прочие ужасные вещи, которые существуют в нашей жизни, путем внедрения среды, в которой все эти проблемы просто не будут возникать. Жак Фреско предлагает переход к ресурсно-ориентированной экономике (РОЭ). Это социально-экономическая система, в которой товары и услуги доступны без использования денег, кредитов, обмена, долговых систем и принудительного труда в любой его форме. Все блага цивилизации становятся общим достоянием всех жителей планеты, а не только элиты общества. Отмена денежной системы может осуществиться, по мнению Жака Фреско, с помощью кибернетизации производства, общество сможет производить достаточно, чтобы обеспечить всех без исключения. Люди также будут трудиться, но только на благо своих интересов и используя научные достижения современности, что существенно уменьшает физические затраты человека. Однако, чтобы

сделать РОЭ реальностью, обществу необходимо пройти переходный период. Проект «Венера» предлагает преодолеть этот период в кратчайшие сроки за счет строительства самообеспечивающихся городов-университетов, в которых специалисты разных областей будут работать, чтобы сблизить страны и народы, обратить вспять деградацию природных экосистем. Общество в этих городах-университетах не будет регулироваться определенными законами или правилами. Вместо этого будут созданы такие условия, при которых гуманное и рациональное поведение будет естественной частью социального устройства.

Как мы видим, эта система почти полностью повторяет уже известные теории, дополняя их информационными и техническими особенностями современного общества. Идеи Фреско, по сути, утопический социализм, марксизм, анархо-синдикализм, эко-анархизм и др. Все вместе эти идеи не новы и не надежны. Они не прошли проверку ни на прочность, ни временем. Возможно, в теоретическом плане для человека уравнилельные системы являются хорошим стимулом для дальнейшего развития своей социально-политической действительности, но в практическом они, к сожалению, не совместимы с сущностью человека. Как и любой другой утопический проект, существовавший ранее или который появится после «Проекта Венера», он описывает общество, состоящее из лично-стерильных людей, свободных от негативных сторон человеческой природы, что и позволяет (в теории) создать справедливое общество. Но люди, которые стремятся к идеальной жизни, не могут вести себя так, как теоретически рассчитал Фреско. Психология человека сложна и не может подчиняться, в теоретическом плане, идеальной теории. Мы можем предположить, что данные концепции не теряют своей актуальности из-за веры в лучшую жизнь для человека, с отсутствием неравенства и пагубных сторон капиталистического мироустройства. Однако, как уже было сказано, то, что в теории имеет идеальную форму, попадая в реальную обстановку, не справляется со своими задачами и не может подстроиться под изменяющуюся человеческую сущность.

Многие ученые социологи и политологи, особенно марксисты, называют «Проект Венера» «утопическим социализмом 21 века» [3]. И не удивительно, ведь теории схожи в идеалах, но различны в реализации. Карл Маркс в своей работе «Капитал» четко описывал пути превращения капиталистического общества с денежной системой в социалистическое и дальнейшее развитие данного общества. Продуманность учения и охват актуальных для человека идеалов и ценностей подтверждаются популярностью в современном мире этой

концепции и попытками реализации коммунистических идей на практике. «Проект Венера» стремился использовать только привлекательные черты утопического социализма, стараясь казаться практически применимым, но не давая рекомендаций и пути спланированного выхода из капиталистической реальности. Фреско дает мнимое убеждение в систематическом учении «Проекта», не разрабатывая альтернативных путей развития общества, тем самым оставляя огромную брешь в своем учении.

Таким образом, утопический социализм – это этап развития учения об обществе, основанном на общности имущества, обязательном для всех труде и равном распределении благ. Оценивать утопии не следует с точки зрения правильности или ложности содержащихся в них идей. Их познавательная и историческая значимость в другом. Они являются зеркальным отражением общественной мысли с точки зрения достигнутого ею уровня критического осознания существующего положения вещей и способности противопоставить ему социальный идеал, призванный «разбудить» массы, дать им «точку социальной опоры», которой они уже не находят в окружающей их реальности. Утопии существовали и будут существовать в обществе, как мечтательная часть и идеал, к которому нужно стремиться. На различных этапах общества утопизм выражается по-своему и интерпретирует так же разнообразно, отзеркаливая существующие проблемы. Если говорить про реализацию данных идей, то они по большей части оставались теоретическими, и даже сами мыслители представляли идеальное общество вдали от цивилизации на каком-нибудь острове. Если же теории пытались реализовать на практике (СССР), то идея-идеал в дальнейшем утрачивала все свои положительные стороны и превращалась в еще один механизм контроля населения. Как уже говорилось, утопия – это место, которого нет в реальности, но идея двигает общество к улучшению, приближению к этой идее и совершенствованию действительности.

Список литературы:

1. Верас Д. История севарамбов [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/read/veras_deni/istorii_sevarambov.html#0 (дата обращения: 10.03.2017).
2. Волгин В.П. Революционный коммунист XVIII века (Жан Мелье и его «Завещание»). – М.: Отдел Печати Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, 1918 [Электронный ресурс]. – URL: <http://istmat.info/node/27224> (дата обращения: 10.03.2017).

3. Гавва А. Проект Венера – утопический социализм 21 века [Электронный ресурс]. – URL: <http://propaganda-journal.net/2018.html> (дата обращения: 10.03.2017).
4. Кампанелла Т. Город солнца [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/book/kampanella_tommazo/gorod_solntsa.html (дата обращения: 10.03.2017).
5. Мабли Г.Б. Избранные произведения / Г. Мабли; Перевод с французского и комментарии Ф.Б. Шуваевой; Вступительная статья В.П. Волгина. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 340 с., 1 л. ил.: ил. – (Предшественники научного социализма / Академия наук СССР; Под общей редакцией академика В.П. Волгина) законов [Электронный ресурс]. – URL: <http://naukaprava.ru/catalog/435/939/123400/33034> (дата обращения: 10.03.2017).
6. Мор Т. Утопия [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/read/veras_deni/istorii_sevarambov.html#0 (дата обращения: 10.03.2017).
7. Морелли Э.Г. Кодекс природы, или Истинный дух ее законов (1755) / пер. с фр. М.Е. Ландау / под ред. и с ком. Ф.Б. Шуваевой / вступ. ст. В.П. Волгина // АН СССР. Серия «Предшественники научного социализма». – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 259 с.
8. Уинстенли Д. Закон свободы [Электронный ресурс]. – URL: <http://krotov.info/history/17/3/uinsten.html> (дата обращения: 10.03.2017).
9. The Venus Project [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.thevenusproject.com/> (дата обращения: 10.03.2017).

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИИ В XXI ВЕКЕ

Кузьмина Екатерина Александровна

*канд. полит. наук, доцент,
Саратовская Государственная Юридическая Академия (СГЮА),
РФ, г. Саратов*

Тимирчев Илья Константинович

*студент,
Саратовская Государственная Юридическая Академия (СГЮА),
РФ, г. Саратов*

DEMOCRATIC POLITICAL REGIME: PROSPECTS OF DEMOCRACIES IN THE 21ST CENTURY

Ekaterina Kuzmina

*candidate of political sciences, associate professor
Saratov State Law Academy - SSLA ,
Russia, Saratov*

Ilya Timirchev

*student, Saratov State Law Academy- SSLA,
Russia, Saratov*

Аннотация. Данная статья посвящена наиболее актуальным проблемам современного феномена демократии. Рассмотрены имманентные основы формирования идеологием демократии, её первичных основ и функций в политическом пространстве. Показаны основные тенденции развития демократического, политического режима во взаимосвязи с базовыми условиями эпохи глобализации. Ключевая цель статьи заключается в концептуальном анализе явления демократии как политического режима, деформирующегося в современных константах. Задача статьи состоит в выработке разграничения идеального понимания демократии от реального.

Abstract. This article is devoted to the most urgent problems of a modern phenomenon of democracy. Immanent basics of formation of ideologems of democracy, its primary bases and functions in political space are covered. The main tendencies of development of a democratic, political regime in interrelation with basic conditions of an era of globalization are shown. The key purpose of article consists in the conceptual analysis of the phenomenon of democracy as the political regime which is deformed in modern constants. The task of article consists in elaboration of differentiation of ideal understanding of democracy from real.

Ключевые слова: Демократический политический режим; плюрализм; власть народа; представительная власть; идеология.

Keywords: Democratic political regime; pluralism; power of the people; representative authority; ideology.

В политическом мире существует множество феноменов, равных по своему объективному значению цивилизационным изменениям революционного характера. В процессе развития социума, политический мир эволюционирует, видоизменяет институциональные основы.

Развиваясь от регрессивного к прогрессивному состоянию, политическое пространство оформляется в государство, которое обретает форму в зависимости от психологического состояния того или иного этноса. Характер данного состояния определяет сущность политического режима вне зависимости от исторического контекста.

На протяжении развития государства, в политическом пространстве теоретически разрабатывались и применялись две базовые формы осуществления власти: монархическая и республиканская. Данные формы правления стали отражением природы взаимодействия власти и общества. Априорное (теоретическое) обоснование монархии и республики не являлось дихотомичным. Монархические принципы находились в прямом взаимодействии по отношению к республиканским основам, что выражалось в конечном признании идеала и ценности государства. При этом само государство в общественном сознании являлось конечным формой организации общества, что особенно ярко отмечалось античными мыслителями [1]. Характерно, что цель существования всякого государства в его первичных проявлениях напрямую зависела от обоснования власти, исходя из чего, форма правления в политическом мире и появилась. Таким образом, сущность формы правления заключалась в необходимости обосновать право на власть в определённом географическом пространстве.

На сегодняшний день классическая дефиниция формы правления определяется как способ организации высших органов власти государства. Форма правления в соответствии с современными политическими реалиями десоверенизации границ рассматривается большинством исследователей как рудимент организации власти, цель которого заключается в установлении исключительно правовых норм, легализующих политическую элиту. Однако, несмотря на плюрализм подходов к данной проблеме, её актуальность проявляется в необходимости определения роли формы правления в политической практике на текущий момент.

Поскольку форма правления относится к институциональной составляющей политической сферы жизни общества, зачастую, в том числе и сегодня, нередко встаёт вопрос об идеальной форме правления. Такая идеальная форма правления в свою очередь есть утопическая формула формального преобразования действительности в соответствии с политическими потребностями индивидов в политике. Как правило, описание идеальной формы правления зависит от базовой парадигмы мышления, а так же от принадлежности к той или иной ойкумене. Естественно, что на протяжении существования диалектической парадигмы форма правления в своей природе рассматривалась как эволюционирующая константа, суть эволюции которой заключалась в

смене формы правления. Влияние диалектического подхода при анализе политических явлений позволило определить, что смена формы правления возможна лишь революционирующим [2] путём, в то время как идиллическое отношение к возможности выведения идеального социального устройства было пересмотрено.

Естественно, что с появлением диалектической методологии вопрос об идеальной форме правления перешел в состояние изостазии: в идею идеальной политической формы взаимосвязи власти и общества был положен амбивалентный принцип. Данный принцип заключался в том, что система государства состоит из двух механизмов формально-политического и политико-психологического. Если на месте первого стояла форма связи власти и социума, которая могла являться идеальной, то на месте второй стал политический режим, сущность которого заключалась в ментальном принятии власти. Значению политического режима придавался иной характер, который исходил из определения сущности социальной власти в обществе. Крайне важно, что задача политического режима рассматривалась исследователями с точки зрения модификации взаимоотношений народа и власти, где народ играл первичную роль, а соответственно, политический режим не зависел от политической власти.

Эволюция данного понятия на текущий момент определяет политический режим как совокупность методов и способов осуществления политической власти. Стоит отметить, что данное определение формально исключает возможность осуществления политической власти со стороны народонаселения, а сама власть понимается как государственный механизм. В свою очередь, на сегодняшний день выделяемые политические режимы основаны на принципах народовласти, в особенности, идеальным политическим режимом власти народа является демократия.

Происхождение термина «демократия» политическая наука возводит к древнегреческому мыслителю Аристотелю, который в своём произведении «Политика» впервые употребил данный термин для описания существующих в Античной Греции основ её политического устройства. Данные основы являлись для политического устройства античности ключевыми. Они включали в себя элементы прямого политического участия граждан в жизни государства, воспроизводя в правовую форму постулат о необходимости «гражданственности» субъектов в политике [3]. В свою очередь данная гражданственность являлась проекцией политического эгалитаризма, поскольку формировала античное, политическое самосознание в рамках парадигмы либерализма, которая стала ключевой базой идеологии демократии в первоизданном виде.

Трансформируясь, демократические принципы, основанные на эгалитаризме, приобрели современное состояние, подвергающееся в политической практике критике, а демократический, политический режим в ряде государств находится в стадии своей деактуализации. Так, социологический опрос, проведённый «Левада-центр» показал, что большинство россиян (61 % опрошенных) предпочитают стабильный, государственный порядок вне зависимости от того, какой тип политического режима является главенствующим, а также, они готовы пойти на нарушения демократических принципов и ограничения личных свобод [4]. Выражением данной тенденции стало формальное, политическое определение, при котором население Российской Федерации делегировало часть личных прав государству. Наиболее наглядно подобное явление было отражено в принятом «законе Яровой» [5].

Вероятно, сущность данной тенденции заложена во внешнеполитических причинах, которые детерминируются медийным представлением демократии, как идеологии дестабилизации [6]. При этом, внешнеполитический фактор при оценке перспектив и значимости демократии не является доминирующим. Напротив, критика демократического состояния социума в условиях кризисных явлений обосновывается недостаточностью внутренних, властных ресурсов и механизмов, способных повлиять на ход политического процесса, в то же время как необходимым политическим аппаратом для преобразований наделён, например, авторитаризм или тоталитаризм. Естественно, что в данных условиях ценностные ориентиры демократии нивелируется. Однако, можно ли сказать, что данная модификация политического миропонимания не имеет перспектив в своём историческом развитии?

Несмотря на негативные тенденции своего априорного состояния, демократия сохраняет свою политическую специфику. Во многом, данная специфика опирается на устойчивую конфигурацию, при котором демократия не является политическим режимом, поскольку её первоочередная задача в политическом процессе заключена в степени признании или непризнании власти. Иными словами, демократия создаёт взаимообратную, коммуникативную, социально-политическую связь: народ даёт право на власть, легитимизирует её, позволяя до определенных констант сужать круг своих формально-определённых прав, формулируя следующие политические режимы:

- Авторитарный
- Тоталитарный
- Диктократа
- Демократура и т.д.

Стоит отметить, что ряд современных исследователей видят социальную ценность демократии именно в возможности посредством данной, без революционных преобразований, изменить как институциональные элементы государства, так и социокультурные, базисные установки. Естественно, что первичная сущность демократии, заключается в признании примата на преобразования народом, однако революционные события Арабской весны показали факт подмены понятий, который заключался в использовании демократических ориентиров при революционных методах, что привело к дестабилизации общественного сознания [7].

Зачастую, в условиях глобализации такой способ действия демократии отражается в различных областях социального пространства: в политическом, культурном, экономическом. Демократия становится амбивалентной, поскольку её первичная природа сменяется на иную сущность, которая становится залогом для завоевания власти под демократическими лозунгами, в то время как степень принятия и доверия любой политической власти снижается. Так, например, данные социологического опроса показывают, что уровень доверия населения к подобной, демократической власти на территории современной Украины составляет 1 %, в то время как деятельность главы данного государства одобряется лишь 3 % граждан. При этом 46 % респондентов категорически не одобряют работу делегированных от народа депутатов [8].

Однако, если демократия как инструмент политической борьбы за социальные права трансформируется до нивелирования имманентной самооценности, какова альтернатива ей? На наш взгляд, исторический опыт показал несостоятельность авторитаризма и тоталитаризма в рамках монархической и республиканской форм правления. При этом, ряд исследователей отмечает, что демократические основы легализации государства в Международном значении, фиксирующие формально определенные нормы демократии, подтверждают свою актуальность. Соответственно, при наличии внешнеполитических, задекларированных догм демократии в формальном значении, на сегодняшний день крайне важно и соблюдение внутривнутриполитических принципов демократии. Поэтому, на сегодняшний день, учитывая наличие целей построения правового и социального государства, в том числе, и в Российской Федерации, необходимо как социокультурное признание принятия ценностей демократии, так и их законодательное закрепление.

Таким образом, стоит отметить, что на сегодняшний день в рамках политического пространства идеология демократии подвержена двум тенденциям, которые соответствуют политической практике в

контексте информационных войн и действия революционных практик в соответствии с концепцией «мягкой силы». В связи с данными обстоятельствами, первичный, ментальный образ демократии деактуализируется, что приводит к потере государствами ориентиров в виде построения гражданских, социальных обществ. Естественно, степень признания индивидуалистических прав снижается по отношению к уровню доверия государственной власти, что в итоге приводит к ситуации, при которой формат государства остаётся демократическим, но его трансформация на первом этапе приводит к возникновению тоталитаризма и авторитаризма внутри субъектов политики, а на втором институциализируется, нарушая природу демократии как метода самоуправления общества.

Список литературы:

1. Готнога А.В. Постсоветский марксизм: от паралича к параллаксу // Социологические исследования. - 2014. № 1. – 46.
2. Красин Ю.А. Российская демократия: коридор возможностей. – Полис. Политические исследования. 2004. - № 6. – 14 с.
3. Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократизация. – Полис. Политические исследования. 2014. - № 5. – 112 с.
4. Лукин А.В. Возможна ли другая демократия? – Полис. Политические исследования. 2014. - № 1. – 22 с.
5. Платон. Соб. соч. в 3- х тт. Т.3 (1). М., 1971. – 213 с.
6. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму»
7. Социологический опрос. Левада-центр. 2015. – 4 с. – Режим доступа. - URL:<http://gordonua.com/news/society/socopros-rossiyane-schitayut-cto-rogyadok-vazhnee-demokratii-76012.html> (дата обращения 06.02.2017)
8. Социологический опрос. Рейтинг. 2016. – 3 с. – Режим доступа. - URL: <http://rian.com.ua/analytics/20160712/1013063386.html> (дата обращения 02.03.2017)

РАЗДЕЛ 3.

СОЦИОЛОГИЯ

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ДАННОЙ ПРОБЛЕМЕ

Хетагурова Земфира Таймуразовна

*аспирант, Северо-Осетинский государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова,
РФ, г. Владикавказ*

THE SOCIAL SOLUTION IN YOUTH: ANALYSIS OF THE LITERATURE ON THIS PROBLEM

Zemfira Khetagurova

*graduate students,
the North-Ossetian State University of Costa Levonovich Khetagurov,
Russia, Vladikavkaz*

Аннотация. В статье рассматриваются 3 направления формирования перспектив, подходов к развитию молодежной политики, а это: нормативная база - Федеральный закон, государственные программы, кадровая укомплектованность; комплекс структур объектов молодежи, саморазвития. Они играют важную роль в выстраивании результативной системы создания условий для того, чтобы молодежь могла принимать обдуманные управленческие решения в сфере конкурентоспособности РФ в глобальной мировоззренческой среде. Ниже представлена роль социального

координирования и сущность механизма социального урегулирования молодежной политики.

Abstract: This article discusses three directions forming prospects, approaches to the development of youth policy, which is: the regulatory framework - the federal law, government programs, staffing; Complex structures of youth facilities, self-development. They play an important role in building effective conditions for establishing a system to ensure that young people can make informed management decisions in the sphere of Russian competitiveness in the global ideological environment. Below is the role of social coordination and social essence of youth policy settlement mechanism.

Ключевые слова: молодежь; молодежная политика; социальное урегулирование; субъекты объективизации молодежной политики.

Keywords: youth; youth policy; social setting; subject's objectification of youth policy.

В данный момент отмечается неизменное научное и практическое внимание к вопросам объективизации молодежной политики, её формированию и поиску путей успешного функционирования. Этот интерес обусловлен множеством факторов:

1. Объективизация той или иной системы реализации России немаловажную роль играет то, как она поддерживается молодежью, ее творческой инициативностью, каков ее образ жизни [4].

2. В определенных кругах нашей страны возникают сомнения в том, что нужно ли проводить «Государственную молодежную политику», - говорим о спорах в том что, нужен ли нам закон «О государственной молодежной политике» - продолжение споров либеральной или социальной идеологии [7].

3. Ряд вопросов, с которыми столкнется наше государство примерно через десять лет, вырабатывается довольно строгий набор требований к новому поколению. Трудовая деятельность молодежи станет источником средств обеспечения инвалидов, пенсионеров, детей.

4. Именно на молодежь все чаще направлен экстремистский призыв.

Исходя из выше перечисленного, стоит отметить - молодежной политике требуется большое внимание, как со стороны органов государственной власти, так и со стороны научной общественности. Нужно обеспечить решение целого ряда взаимообусловленных задач с тем, чтобы избежать указанных выше негативных прогнозов, чтобы

существенно ослабить их последствия. От модели государственной молодежной политики, которая объективно опиралась на количественные показатели, нужно переходить к росту качества по всем направленностям деятельности молодежи и ее развития [5]. В данное время координационное воздействие на субъекты объективизации молодежной политики выступают как «призывная» молодёжная политика, в основе которой лежит стремление государства применить потенциал молодого поколения для объективизации государственного преобразования, без стремлений построить результативную и длительную систему социального развития молодежи [11].

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ представила доклад «Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала», который станет прочным фундаментом для создания важнейших элементов Стратегии государственной молодежной политики до 2025 года, - это есть Федеральный уровень, который требует абсолютно нового нормативно-правового регулирования. Специалисты выделили три существенных принципа, на чем, должна базироваться молодежная политика в ближайшем будущем: нормативная обеспеченность, а это: Федеральный закон, государственная программа. Кадровая укомплектованность специалистами, а также инфраструктура - объекты досуга, саморазвитие молодежи [5].

Доклад, который представили специалисты, очень значим, ноне понятно устройство регулирования деятельности субъектов объективизации молодежной политики, а также не определена оптимальная структура управления государственной молодежной политикой на федеральном и региональном уровнях. В данный момент на региональном уровне формирование молодёжной политики идет по пути ее объединения и огосударствления, это может привести к ее несоответствию региональным особенностям молодёжного движения, также может привести, и к снижению процесса социального развития молодёжи [11].

Важнейшим непредвиденным последствием целенаправленных действий государственных и общественных структур, объективизирующих молодёжную политику, является создание условий для воспроизводства провинциальной молодёжью разрушительных практик. Данная ситуация практически не анализируется разработчиками молодежной политики [12].

Потенциал данного механизма, государственной молодежной политики весьма ограничен, из – за неэффективности применяемых методов и форм. Подобный механизм, базирующийся только на правовые

и административные методы воздействия, оказывается несостоятельным и требует существенную коррекцию. В этих условиях встает проблема разработки эффективного механизма управления субъектами объективизации молодежной политики. Указанный механизм способна предложить теория социального регулирования.

Собственно социальное регулирование даст молодежной политике нашей страны упорядоченность социальных взаимоотношений в силу множества субъектов её объективизации. Под регулированием мы понимаем процесс влияния на объекты управления, путем которого достигается состояние стабильности этих объектов в случае возникновения отклонения от заданных параметров. Сущность механизма социального регулирования заключается в актах объективных законов социального или общественного формирования. Комплексный подход решений одной задачи дает возможность регулировать их действия со стороны общества в лице его институтов [13]. Регулирование выступает как форма целенаправленного воздействия, которое ориентировано на поддержание баланса в объекте и развитие его через введения норм, целей, правил [2]. С помощью регулирования формируются возможности деятельности, которые будут вызвать в управляемом объекте мотивацию и целеполагание, желаемые с точки зрения субъекта управления.

В.А. Смирнов говорит об особенности измерения молодёжной политики как научного конструкта [10]. Речь идет о типологии молодёжной политики в зависимости от основных субъектов ее объективизации. Ильинский И.М. выделяет государственную молодёжную политику, «где субъектом является государство в лице его специальных органов, деятельность которых в большей или меньшей степени связана с развитием человека» [3], и социальную молодёжную политику, в которой субъектом являются молодёжные организации, молодежные объединения, политические партии, профсоюзы.

Стоит отметить, государство должно создавать условия для удовлетворения потребностей и объективизации интересов создателей и потребителей в целом, придерживаясь интересов того общества, формой которого оно является.

Результативность и действенность объективизации политики молодежи обуславливается для начала и в первую очередь возможностями субъекта регулирования. Применение и использование правового ресурса на уровне государства в сфере политики молодежи всецело невозможно в современных условиях, нужно формирование в сфере социально - культурного регулирования. Общественное (социальное) регулирование процессов в молодежной политике,

возможно, подвергать рассмотрению как порядок целенаправленных действий на их условия как внешние, так и внутренние, которые обеспечивают переход от состояния социального беспорядка к состоянию социальной упорядоченности и последовательности. Основанием для подобного порядка выступают нужные шаблоны и стандарты поведения, какие предлагают нам социальные институты, в первую очередь, которые реализуют молодежную политику. Молодежь должна ориентироваться на такие стандарты, как солидарность, доверие, ответственность, толерантность, объединение субкультур, а регуляторами выступают субъекты [1]. Большую роль играет технологическая деятельность субъектов молодежной политики.

О.А. Рожнов попытался усовершенствовать для нынешних российских условий модель управления молодежной политикой. В данном случае управляющим порядком выступает - система субъектов, которые реализуют цели молодежной политики, по мнению Рожнова, ей надлежаще:

а) механизмы должны быть достаточно несложными и гибкими, для того, чтобы справляться с разнохарактерными задачами созданной согласованности с молодежью;

б) располагать способностью реагирования на изменение условий, и в системе, и в окружающей социальной среде [8].

в) обеспечивать целостность управленческих решений на всех уровнях подобного взаимодействия.

Таким образом, социальное урегулирование деятельности субъектов объективизации молодежной политики выступает, как целенаправленное воздействие на многоуровневую систему согласованности и интеграции молодежи внутри конкретного местного, социального и политического единства. С социально-политическими институтами, с государственными и негосударственными субъектами ее объективизации; Урегулирование может реализовываться в разнообразных конфигурациях – противодействии, воздействии, пассивность либо же сотрудничество, по средствам нормативно-правовых, экономических, социально – культурных и других ресурсов.

Список литературы:

1. Дятченко Л.Я., Морозова Т.И. Технологии регулирования процессов самоорганизации молодежи в регионе // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 4. – С. 35
2. Иванов В.П., Иванов А.А. Теория государства и права. – М.: Юнити-Дана, 2007. – 303 с.

3. Ильинский И.М. Молодёжь и молодёжная политика. Философия. История. Теория. – М.: Голос, 2001. – С. 584.
4. Концепция государственной молодежной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2001/vestniksf141-10/vestniksf141-10090.htm> (дата обращения 01.02.2017).
5. Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала: доклад // Росмолодежь. Федеральное агентство по делам молодежи [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fadm.gov.ru/agency/analytics/index_new.php (дата обращения: 30.01.2017).
6. Молодежь России в начале XXI века: коллективная монография / под ред. профессора В.М. Филиппова. – М., 2007. – 431 с.
7. Пухкалова М.О. Анализ проекта ФЗ «О государственной молодёжной политике в РФ» // Представительная власть – XXI век. – 2008. – № 8. – С. 35–39.
8. Рожнов О.А. Управление молодёжной политикой в современной России: автореф. дис. канд. социол. наук. – М., 2006. – 27 с.
9. Самохвалова Е.В. Социальное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности: дис. ... канд. социол. наук. – Белгород, 2008. – 225 с.
10. Смирнов В.А. Институционализация региональной молодёжной политики в современной России. – Кострома: Изд-во Костромской государственной сельскохозяйственной академии, 2010. – 260 с.
11. Смирнов В.А. Институционализация региональной молодёжной политики в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. д-ра социол. наук. – СПб., 2011. – 42 с.
12. Смирнов В.А. Региональная молодёжная политика в условиях трансформации российского общества. – Кострома: Изд-во Костромской государственной сельскохозяйственной академии, 2007. – 250 с.
13. Социологические концепции государства и права. Новое в политологии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nowpolitolog.ru/nepols-1034-1.html> (дата обращения: 28.01.2017).

РАЗДЕЛ 4. ФИЛОСОФИЯ

4.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ЦЕРКОВНОЕ ПЕРВЕНСТВО КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ

Дуркин Руслан Алексеевич

*редактор отдела культурологии и религиоведения
журнала «Философские Науки»,
РФ, г. Москва*

CHURCH PRIMACY AS A PHENOMENON OF SOCIAL PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY OF RELIGION

Ruslan Durkin

*Cultural and Religious Studies Department's Editor
of Russian Journal of Philosophical Sciences,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье представлен социально-философский анализ концепции церковного первенства в его взаимодействии с социальными и политическими процессами. Формулируется подход, предусматривающий рассмотрение проблемы первенства как феномена социологии религии в контексте его влияния на формирование религиозной идентичности и солидарности.

Abstract. The article presents a socio-philosophical analysis of the Church primacy concept in its interaction with social and political processes. An approach is formulated that considers the problem of primacy

as a phenomenon of the sociology of religion in the context of its influence on the formation of religious identity and solidarity.

Ключевые слова: первенство церквей; экклесиология; религиозная политика; религиозная идентичность; национальная идентичность; социология религии; государственно-церковные отношения; социальная солидарность.

Keywords: primacy of church; ecclesiology; religious policy; religious identity; national identity; sociology of religion; church-state relations; social solidarity.

Церковное первенство, в самом общем определении, есть особый институт канонического права, представляющий собой неординарное право одной церкви распространять юрисдикцию своей власти на другие церкви. В восточно-христианской традиции учение о церковном первенстве не получило полноценной формализации и развивалось преимущественно стихийным образом, видоизменяясь под влиянием политической истории и различных социальных процессов. Однако представление о первенстве играет определяющую роль в формировании дихотомии национального и универсального и таким образом является существенным фактором социальной динамики. Социальная философия и социология религии обладают специальной методологией междисциплинарных исследований для анализа различных социальных аспектов универсалистской и локалистской парадигм в социальном измерении христианства – как с точки зрения их обусловленности конкретными социальными и политическими реалиями, так и в контексте их собственного влияния на динамику социального развития вне религиозной сферы. В представленном очерке мы ставим своей задачей обозначить основные направления социально-философского анализа учения о первенстве на материале исторического развития церковной административной системы.

Формирование системы власти в ранней истории христианской церкви представляло собой последовательную консолидацию местных городских общин во все более крупные церковные объединения. В древней церкви, несмотря на единство исповедания веры, единой административной структуры не существовало. «Конкретное историческое многообразие» [1, с. 93], сформировавшееся в первые века христианства под влиянием социально-политических условий возникновения и первоначального распространения христианской церкви, оформлялось в коммуницирующую систему рассеянных городских общин, с течением времени концентрирующихся вокруг

крупных городов, среди которых выделялись столичные города и крупнейшие политические центры. Усложнение административной структуры привело к появлению особых полномочий предстоятелей общин крупных городов по надзору над более мелкими общинами окрестных поселений [5], причем эти особые полномочия были встроены в систему священных чинов, ранее носившую специфически литургический характер [8, с. 111–117]. Совмещение функций надзора и священнодействия привело к сакрализации церковной власти, обусловив формирование богословского базиса для организующейся системы поместного управления в древней церкви.

Однако административная система церкви развивалась не самостоятельно – не только вследствие внутренних факторов, а в значительной мере в соответствии с развитием политических учений и под влиянием тенденций развития институтов светской политической власти. В Средние века развитие политических институтов и церковного административного устройства шло в едином ключе и постоянном взаимовлиянии. На православном Востоке развитие церковной администрации происходило однонаправленно с развитием имперской политической модели на фоне изменения стратегии Византийской империи от экспансионистской к оборонительной [3, с. 350 – 354]. На Западе церковная администрация развивалась также в русле динамики трансформаций политических институтов – в контексте становления и укрепления теократических империй.

Если в древней церкви административная система устраивалась в соответствии с принципом поместности, то есть политической территориальности, когда юрисдикция церковной власти организуется в четких территориальных границах (обозначающих так называемую «каноническую территорию» церкви) [6, с. 376], то произошедшие изменения ослабили этот принцип, совместив его с новым – имперским пониманием церковной администрации.

Ослабление имперской политической модели и появление института национального государства в Европе Нового времени оказало закономерное децентрализующее влияние на устройство церковной администрации и распределение власти между центром и периферией. В Западной Европе крушение теократической модели в идеологической конкуренции с новоевропейской идеей гражданской нации привело к усилению национальных церквей и кризису папства (окончившегося упразднением папского государства в 1870 году). Однако последовавшая секуляризация политической власти сделала возможным усиление ультрамонтантских настроений в католическом мире и его консолидацию, в парадигме решений Первого ватиканского

собора, вокруг Римской кафедры. Тем самым церковное первенство оформляется в западно-христианском мире в виде глобального наднационального церковного административного института, в котором федеративные права автономии отдельных частей совмещены с общецерковным единством в отношениях с внешним миром.

На православном Востоке динамика развития института первенства в Новое время была связана с переходом Константинопольского патриархата после падения Византии под власть Османской империи. Прежняя модель церковного административного устройства постепенно теряет связь с действительным положением дел, поскольку все четыре восточных патриархата оказались внутри единой Османской империи. Сам факт существования в границах мусульманского государства способствовал сближению восточных патриархов, что еще более размыло их границы. Более того, социальная политика Османской империи предполагала выделение в структуре населения не национальных, а религиозных классов. Во главе всего христианского населения Османской империи стоял один предстоятель (миллет-баши) – Константинопольский патриарх, получивший, таким образом, широкие политические полномочия, фактически исполняя государственные функции по надзору над всеми христианами Османской империи [7, с. 212]. В результате власть Константинопольской кафедры распространилась даже сильнее, чем в византийскую эпоху, и затрагивала более широкий круг вопросов. Фактически патриарх Константинополя приобрел власть не только церковную, но в какой-то степени и специфически гражданскую. То обстоятельство, что эта власть не являлась суверенной, а была санкционирована и обеспечивалась принудительной силой Османского государства, не только не ослабило ее, но, напротив, сопровождалось попытками обосновать эти права посредством новой трактовки древних канонов и разработки нового учения об особом статусе вселенского патриархата и его полномочий.

Однако впоследствии положение «вселенского патриархата» становится «вселенским оксюмороном» [4, с. 114]. В середине XIX века национально-освободительное движение балканских народов приводит к развитию церковного сепаратизма в православных общинах этого региона. Религиозный фактор был использован националистически настроенными элитами в качестве существенного компонента зарождавшегося национального самосознания, а сама автокефалия воспринимается теперь в качестве атрибута государственного суверенитета. Как справедливо отмечает архим. Кирилл (Говорун), «автокефалия ни в коем разе не является технической категорией – она превращается в культурный феномен» [2, с. 31]. Само понятие

автокефалии видоизменяется и обретает различные не свойственные ему ранее коннотации. Изменение функции автокефалии – от категории канонического права к составляющей национального самосознания – привело к появлению особого рода «мифа» – «комплекса идей, которые выходят далеко за пределы первоначального концептуального смысла... которые не имеют отношения ни к каноническому праву, ни даже к экклесиологии. Они превращают автокефалию в мифологему» [2, с. 32], формируя особое, «модерное» ее понимание. Мифологическая составляющая обусловила усиление значения автокефалии, которая в ее модернизированном виде выступила в качестве существенного фактора религиозной, национальной и культурной идентичности.

Абсолютно зависимое положение Константинопольского патриарха от правительства Османской империи вынудило его отказать в поддержке националистическим движениям балканских народов (преступным с точки зрения османских властей), что еще сильнее усугубило конфликт, окончившийся отделением балканских народов от Османской империи и балканских церквей – от Константинопольского патриархата. Распад Османской империи после Первой мировой войны привел к утрате Константинополем контроля над другими восточными церквями, оказавшимися вне границ вновь образованной Турецкой республики, а миграционные процессы, имевшие место после этого, радикально ослабили Константинопольский патриархат, лишив его значительного числа паствы, политического влияния и средств к существованию.

Таким образом, на православном Востоке, в отличие от католического Запада, в настоящее время отсутствует признаваемый всем православным сообществом административный институт, наделенный полномочиями первенствующей церкви. Претензии Константинопольского патриархата на эту роль встречают ожесточенное сопротивление других церквей, древние восточные патриархаты (Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский), составившие систему «пентархии», также не имеют сил для создания единого центра православного сообщества, а возможность консолидации между ними практически исключена вследствие непрекращающихся конфликтов в конкуренции за паству и влияние. Интересы Русской православной церкви, крупнейшей во всех отношениях на всем пространстве восточно-христианского мира, традиционно сфокусированы в границах российского государства. Консолидирующая роль первенствующей церкви по своему определению должна основываться на наднациональной идентичности и поиске универсальных факторов религиозной солидарности, в то время как Русская церковь, приняв на

себя роль идеологического основания для формирования национальной идентичности российского государства, заинтересованного в именно такой ее роли, не готова к активной деятельности на межцерковной арене (к тому же межцерковные связи Московского патриархата находятся в вынужденной зависимости от изменчивой внешнеполитической политики российского государства, для которого вопросы конфессиональной солидарности не имеют существенного значения). Аналогичные интересы преследуют и прочие автокефальные церкви, являющиеся в полной мере национальными церквями.

Такое положение дел оправдывается указанием на равенство автокефальных церквей, их суверенную независимость в принятии решений и непроницаемость границ канонических территорий для принудительного влияния извне. Утверждается, что межцерковное взаимодействие может и должно осуществляться в формате соборного общения, однако до настоящего времени к удовлетворительному результату это не привело, о чем свидетельствуют скромные итоги Всеправославного собора 2016 года, а также почти столетняя история его подготовки. В результате «эклесиология общения», имевшая целью преодолеть разобщенность, привела к прямо противоположному результату: суверенная территориальность автокефальных церквей стала основой для формирования их индивидуальной идентичности в ущерб универсальному самоощущению церковного единства. Усиление значения территориальных границ как принципа установления канонических пределов своим следствием имело практически полную нейтрализацию универсалистских намерений в межцерковной сфере.

Отсутствие единого центра межцерковного взаимодействия и института церковного первенства в восточно-христианском мире порождает парадоксальную ситуацию, когда одна из ветвей крупнейшей мировой религии представлена многими независимыми и разобщенными церквями, не имеющими механизмов для взаимодействия друг с другом и согласованной активности во внешнем мире, что в условиях глобализации современного информационного общества чревато полной утратой единой социальной идентичности. Локалистский характер христианской эклесиологии, в эпоху становления национальных государств сменивший универсалистские устремления древней церкви эпохи теократических империй, очевидно, должен вновь смениться под воздействием глобализирующего влияния современных социальных процессов.

В отсутствие позитивно сформулированной социальной идентичности, солидарность восточно-христианского мира фокусируется на своей инаковости и противопоставленности внешнему окружению,

причем процессы формирования и самовоспроизведения религиозной идентичности находятся под прямым влиянием глобальных политических процессов и сами оказывают влияние на них. Солидарность восточно-христианского мира в значительной мере сформирована своей противопоставленностью западно-христианскому миру, причиной чему стал раскол христианства на православие и католицизм. Догматические, литургические и прочие специфически конфессиональные причины раскола, бесспорно, имели решающее значение на событие «Великой схизмы», однако закрепление раскола в дальнейшем и его непреодолимый характер в настоящее время является не в последнюю очередь следствием геополитического противостояния Востока и Запада: Византийской империи и западноевропейских империй, позднее – Османской империи и католических держав Европы. В свою очередь в Русской церкви также сформировалась идентичность, основанная на культурно-политическом противостоянии Западу, – в полном соответствии с внешнеполитическим курсом российского государства. Историческая динамика напряженности межцерковных отношений Русской церкви с внешним миром (в том числе с Константинопольской церковью) полностью повторяет периоды усиления и ослабления политического противостояния на международной арене. В противостоянии западному миру восточно-христианский мир солидаризируется скорее с исламским миром против Запада, чем наоборот [4, с. 107].

Обозначив эти немногие аспекты, мы стремились показать, насколько перспективен анализ диалектики универсалистской и локалистской социальных парадигм христианства и какое значение они оказывают на социальные процессы, в частности, в контексте вопроса о церковном первенстве. Дальнейшие исследования в этом направлении могут дать обширный материал для продуктивного научного исследования социально-религиозных факторов общественного развития.

Список литературы:

1. Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. – Париж, 1989.
2. Кирилл (Говорун), архим. Автокефалия: от канона к мифу // Релігія в Україні. 2009. Вип. 1. С. 31 – 36.
3. Кирилл (Говорун), архим. Каноническая территория: векторы развития церковно-канонической категории // Труды Київської Духовної Академії. № 20. Киев, 2014. С. 349 – 358.
4. Казарян Н. Всеправославный собор: формирование новой православной геополитики // Государство. Религия. Церковь. 2016. № 1. С. 102 – 126.

5. Кузенков П.В. Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 3 (53). С. 25 – 51.
6. Цыпин В.А., прот. Каноническое право. – М., 2009.
7. Шишков А. Церковная автокефалия через призму теории суверенитета Карла Шмита // Государство. Религия. Церковь. 2014. № 3 (32). С. 197 – 224.
8. Шмеман А., прот. Евхаристия: Таинство Царства. – М., 1992.

РАЗДЕЛ 5.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

5.1. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПП. 1 П. 1 СТ. 347 ТК ТС В ОТНОШЕНИИ ПЛАНОВЫХ (РЕГЛАМЕНТИРОВАННЫХ) ОПЕРАЦИЙ ПО ТЕКУЩЕМУ РЕМОНТУ И (ИЛИ) ТЕХНИЧЕСКОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ МОРСКОГО СУДНА ЗА ГРАНИЦЕЙ

Маслий Андрей Игоревич

соискатель,

*ФГБОУ ВО «Мурманский государственный технический университет»,
РФ, г. Мурманск*

PROBLEMS OF EMPLOYING SUBPARAGRAPH 1 OF PAR. 1 OF ARTICLE 347 OF CUSTOMS CODE OF THE CUSTOMS UNION IN REGARD TO MARINE VESSEL'S SCHEDULED AND REGULATED REPAIR AND MAINTENANCE WORKS, DONE BEYOND THE CUSTOMS AREA OF THE CUSTOMS UNION

Andrey Masliy

applicant,

*FSEI HPE «Murmansk State Technical University»,
Russia, Murmansk*

Аннотация. Проведённое исследование посвящено изучению проблемы применения льготы, освобождающей судовладельцев от уплаты таможенных пошлин и налогов в отношении плановых и

регламентированных операций по текущему ремонту и (или) техническому обслуживанию морского судна, выполненных за пределами таможенной территории Таможенного Союза.

Abstract. This research studies a problem of applying the exempt from payment the customs duties and taxes for ship owners in regard to marine vessel's scheduled and regulated repair and maintenance works, done outside the customs area of the Customs Union.

Ключевые слова: морское судно; транспортное средство международной перевозки; 347 ТК ТС; текущий ремонт; техническое обслуживание; плановый ремонт; плановое техническое обслуживание.

Keywords: vessel; a vehicle of international transportation; 347 CC CU; current repair; maintenance; scheduled maintenance; scheduled maintenance.

В соответствии с подпунктом 1 пункта 1 статьи 347 Таможенного союза (далее – ТК ТС) [5] с временно вывезенными транспортными средствами международной перевозки допускается совершение операций по техническому обслуживанию и (или) текущему ремонту, необходимых для обеспечения их сохранности, эксплуатации и поддержания в состоянии, в котором они находились на день вывоза, если потребность в таких операциях возникла во время использования этих транспортных средств в международной перевозке.

Из буквального толкования указанной правовой нормы не следуют какие-либо ограничения относительно характера выполняемых в отношении судна операций: плановые, регламентированные и т.д. Единственным ограничением служит их вид – текущий ремонт и (или) техническое обслуживание, а также момент возникновения потребности в них. В то же время, диспозиция подпункта 1 пункта 1 статьи 347 ТК ТС также прямо не указывает на возможность освобождения судовладельца от уплаты таможенных пошлин и (или) налогов со стоимости этих операций, если они являются плановыми или регламентированными.

Данный вопрос научным сообществом ранее не поднимался, возможно потому, что сложившаяся судебно-арбитражная практика по спорам между судовладельцами и таможенными органами относительно правомерности применения подпункта 1 пункта 1 статьи 347 ТК ТС отрицает возможность реализации указанной льготы в отношении плановых (регламентированных) работ по текущему ремонту и (или) техническому обслуживанию морского судна, выполненных за пределами таможенной территории Таможенного союза.

Например, Арбитражный суд Приморского края в решении от 11.02.2016 по делу № А51-23330/2015 [4] сформулировал свою правовую позицию по данному вопросу следующим образом: «Учитывая, что проведение плановых ремонтных работ за пределами таможенной территории Таможенного союза в отношении морских судов, зарегистрированных на территории Таможенного союза, не попадает под освобождение от уплаты таможенных пошлин, налогов в рамках пункта 1 статьи 347 ТК ТС независимо от вида проведенных ремонтных операций (капитальный ремонт, планово-предупредительный ремонт, межрейсовый ремонт, межрейсовое техническое обслуживание и т.д.), вывод таможенного органа о том, что проведенные в отношении судна т/х «Райз» ремонтные работы не относятся к числу операций, предусмотренных пунктом 1 статьи 347 ТК ТС, поскольку потребность в их проведении возникла не во время использования судна в международной перевозке признается судом правомерным».

Следует также отметить, что аналогичных выводов придерживаются и суды Северо-Западного округа, в частности, Арбитражный суд Архангельской области в решении 15.08.2014 по делу № А05-6707/2014 [3]: «Имеющийся в представленных в суд материалах перечень выполненных работ указывает на то, что ремонт был предупредительно - плановым. Ремонт т/х «Сормовский - 3063» выполнен для восстановления и поддержания технико-эксплуатационных характеристик судна в пределах, соответствующих требованиям Российского морского регистра судоходства с целью проведения очередного освидетельствования судна и получения документов, необходимых для допуска к плаванию. При таких обстоятельствах, требование о признании незаконным решения № 10203000/400/300414/Т0025/1 от 30.04.2014 по результатам таможенной проверки, заявленное ОАО «Северное речное пароходство» удовлетворению не подлежит».

Несмотря на то, что судебная практика по данному вопросу сформировалась и около 10 лет практически не изменялась, автор полагает, что она бесосновательно умаляет право судовладельцев на осуществление «беспошлинного» планового (регламентированного) текущего ремонта и (или) технического обслуживания морского судна за пределами таможенной территории Таможенного союза, а содержание подпункта 1 пункта 1 статьи 347 ТК ТС, как уже было указано выше, не исключает возможность его применения к таким видам операций.

В подтверждение изложенной выше позиции, в первую очередь необходимо отметить, что ни судами, ни таможенными органами не учитывается то обстоятельство, что в соответствии с требованиями действующего законодательства Российской Федерации, а именно

пунктом 2.3.2. РД 31.20.01-97 «Правила технической эксплуатации морских судов. Основное руководство», утвержденных распоряжением Минтранса РФ 08.04.1997 № МФ-34/672 (далее – РД 31.20.01-97) [2] техническое обслуживание судовых технических средств и конструкций (далее – ТССиК) должно осуществляться по планово-предупредительной системе на основе планов-графиков технического обслуживания, утвержденных судовладельцем, и анализа результатов контроля (замера) параметров ТССиК контрольно-измерительными приборами и/или средствами диагностирования и неразрушающего (безразборного) контроля, характеризующих их фактическое техническое состояние.

Кроме того, в пояснениях к термину «система технического обслуживания и ремонта судов» (приложение № 2 к ГОСТ от 01.07.1981 № 24166-80 Система технического обслуживания и ремонта судов. Ремонт судов. Термины и определения [1]) прямо указано, что технические обслуживания и ремонты определенных видов выполняются с заданными последовательностью и периодичностью, включая подготовку к ним.

Следует также отметить, что пунктом 2.4.2 РД 31.20.01-97 установлено два вида выполняемых в отношении морских судов ремонта:

- плановый, предусматривающий выполнение работ в соответствии с планом ремонта судов, утвержденным судовладельцем;
- аварийный, предусматривающий выполнение работ, связанных с устранением повреждений ТССиК, полученных при аварийных случаях.

Учитывая, что действующее законодательство Российской Федерации предусматривает всего две разновидности (по характеру) ремонта, один из которых (аварийный) подпадает под действие подпункта 3 пункта 1 статьи 347 ТК ТС, следовательно, по мнению автора, плановые (регламентированные) операции по текущему ремонту и (или) техническому обслуживанию морского судна, выполненные за пределами таможенной территории Таможенного Союза, должны освобождаться от обложения таможенными пошлинами и налогами в соответствии с подпунктом 1 пункта 1 статьи 347 ТК ТС.

Список литературы:

1. ГОСТ от 01.07.1981 № 24166-80 «Система технического обслуживания и ремонта судов. Ремонт судов. Термины и определения» (утверждён Постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 08.05.1980 № 2050) // СПС КонсультантПлюс.
2. РД 31.20.01-97. Правила технической эксплуатации морских судов. Основное руководство (утв. распоряжением Минтранса РФ 08.04.1997 № МФ-34/672) // СПС КонсультантПлюс.

3. Решение Арбитражного суда Архангельской области от 15.08.2014 по делу № А05-6707/2014// СПС КонсультантПлюс.
4. Решение Арбитражного суда Приморского края от 11.02.2016 по делу № А51-23330/2015// СПС КонсультантПлюс.
5. Таможенный кодекс Таможенного союза: приложение к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 № 17 (ред. от 08.05.2015) // СПС КонсультантПлюс.

5.2. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Пастернак Светлана Николаевна

*канд. юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет – СПбГЭУ,
РФ, Санкт-Петербург*

COMPETENCE OF BODIES OF THE CONSTITUTIONAL CONTROL OF COUNTRIES OF EASTERN EUROPE: COMPARATIVE AND LEGAL ANALYSIS

Svetlana Pasternak

*candidate of jurisprudence,
associate professor in St. Petersburg state economic University – SPbGEU
Russia, St. Petersburg*

Аннотация. Конституционный контроль является обязательным атрибутом современного государства, имеющего писаную конституцию. Основными задачами органов конституционного контроля являются охрана конституции, обеспечение её верховенства, защита конституционных прав граждан. Для выполнения указанных задач органы конституционного контроля наделяются особой компетенцией, анализу которой и посвящена настоящая статья.

Abstract. The constitutional control is obligatory attribute of the modern state having the constitution. The main objectives of bodies of the constitutional control are protection of the constitution, ensuring its supremacy, protection of constitutional rights of citizens. For performance of the specified tasks bodies of the constitutional control are allocated with special competence to which analysis this article is devoted.

Ключевые слова: компетенция; конституционный контроль; орган конституционного контроля; конституционный суд; Восточная Европа.

Keywords: competence; constitutional control; body of the constitutional control; constitutional court; Eastern Europe.

Компетенция конституционного суда представляет собой совокупность его материально-правовых, процессуальных и организационных полномочий. Ее ядром являются материально-правовые полномочия, определяющие категории дел, подсудные конституционному суду. Остальные полномочия имеют служебную роль и обеспечивают реализацию предназначения конституционного суда. В связи с этим в отечественной литературе компетенцию конституционного суда понимают в узком смысле как круг конституционно-правовых вопросов и споров, подведомственных этому суду [7, с. 44].

На основе анализа конституций стран Восточной Европы, в том числе и России, можно выделить несколько способов определения компетенции конституционных судов:

- 1) компетенция определяется только конституцией и иными правовыми актами не дополняется;
- 2) компетенция определяется конституцией и конкретизируется в иных нормативных актах;
- 3) конституция определяет компетенцию конституционного суда в общих чертах, а детально она регламентируется иными правовыми актами.

Только конституцией компетенция конституционного суда определяется в таких государствах, как Болгария, Польша, Румыния, Молдова, Украина. Основной закон здесь содержит закрытый перечень полномочий органа конституционного контроля, который не может дополняться иными законодательными актами. Например, статья 149 Конституции Болгарии исчерпывающе определяет компетенцию Конституционного суда, а п. 2 указанной статьи запрещает закону расширять или ограничивать компетенцию органа конституционного контроля. Статья 12 Закона о Конституционном суде Болгарии воспроизводит установленные Конституцией функции и полномочия суда, лишь отчасти их конкретизируя, но не дополняя.

В большинстве стран преобладает второй из вышеуказанных способов определения компетенции органа конституционной юстиции, а именно когда функции и полномочия последнего определяются не только конституцией, но и законом о конституционном суде, а также иными нормативными актами. Такой перечень полномочий принято

называть открытым. Он имеет место, прежде всего, в Российской Федерации, а также в таких государствах, как Литва, Белоруссия, Венгрия, и др.

В России компетенция Конституционного Суда определяется Конституцией и Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» [11]. В частности, часть 3 статьи 128 Конституции РФ включает в предмет регулирования федерального конституционного закона о Конституционном Суде РФ не только порядок образования и деятельности Суда, но и его полномочия. Таким образом, в России возможно не только законодательное воспроизведение компетенции Суда, но и ее конкретизация и дополнение, соответствующие предписаниям основного закона.

Согласно п. 7 ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ», кроме функций и полномочий, установленных Конституцией РФ, Суд осуществляет иные полномочия, предоставляемые ему Федеративным договором и федеративными конституционными законами, а также может пользоваться правами, предоставляемыми ему заключенными в соответствии со статьей 11 Конституцией РФ договорами о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, если эти права не противоречат его юридической природе и предназначению в качестве судебного органа конституционного контроля. В результате расширяется число источников, определяющих компетенцию российского Конституционного Суда, поскольку в их число включаются и внутригосударственные договоры [15, с. 46].

В Белоруссии, в частности, в статье 116 Конституции Республики Беларусь, содержащей нормы о компетенции Конституционного суда, также говорится, что в Законе о Конституционном Суде компетенция, организация и порядок работы органа конституционного контроля регламентированы более подробно. В последнее время наметилась тенденция определения отдельных полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь декретами Президента, что вряд ли согласуется с Конституцией страны [4].

В некоторых государствах компетенция конституционных судов в Конституции определяется общим образом, а более детальная регламентация функций и полномочий почти полностью содержится в законодательных актах. Например, статья 85 Конституции Республики Латвии гласит: «В Латвии функционирует Конституционный Суд,

который в границах установленной законом компетенции рассматривает дела о соответствии законов с конституцией, а также осуществляет иные функции, отнесенные законом к его компетенции» [8].

В виду того, что компетенция конституционных судов не всегда сформулирована конкретно, органы конституционной юстиции иногда вынуждены, как отмечает Н.В. Витрук, самостоятельно конкретизировать свои полномочия [3, с. 155].

Например, Конституция РФ устанавливает полномочие Конституционного Суда по проверке конституционности закона, примененного в конкретном деле, по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан (ч. 4 ст. 125). Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ» в ст. 96 содержит положение, согласно которому правом на обращение в орган конституционной юстиции с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным в конкретном деле, и объединения граждан, а также иные органы и лица, указанные в федеральном законе.

Таким образом, очевидно, что в законе нечетко определены общественные объединения, могущие подать подобную жалобу. Это позволило Конституционному Суду РФ расширить круг таких общественных объединений. Так, первоначально Конституционный Суд отнес к ним объединения граждан, уставные цели которых направлены на защиту граждан. В частности, в 1995 году им было принято постановление по запросу профсоюза лётного состава гражданской авиации о проверке на конституционность отдельных положений Закона СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров» в части, запрещающей проведение забастовок работникам гражданской авиации [13].

Позже, в 1996 году, Конституционный Суд признал право на обращение с такой жалобой за коммерческими юридическими лицами (акционерными обществами, товариществами и т.д.). В постановлении от 24 октября 1996 года о проверке конституционности отдельных положений Закона РФ «Об акцизах» Конституционный Суд РФ указал, что граждане и их объединения вправе обратиться с конституционной жалобой на нарушение прав, в частности самого объединения, в тех случаях, когда его деятельность связана с реализацией конституционных прав граждан, являющихся его членами [14].

В 2002 году в постановлении от 2 апреля по делу о проверке конституционности отдельных положений законов Красноярского края и Корякского автономного округа о порядке отзыва выборного

должностного лица местного самоуправления Конституционный суд признал в качестве надлежащих заявителей в орган конституционного контроля муниципальные образования как территориальные объединения граждан [12].

Таким образом, признав возможность проверки закона на конституционность не только в связи с нарушением прав граждан, как это следует из положений Конституции РФ, но и их объединений, Конституционный Суд РФ самостоятельно расширил свою компетенцию. Подобное расширение имеет положительные последствия, поскольку оно направлено на реализацию одного из ведущих принципов российского конституционализма: признания прав и свобод человека и гражданина в качестве высшей ценности в государстве и обществе. Однако нельзя не согласиться с Н.В. Витруком, отметившим, что расширение компетенции конституционных судов по собственной инициативе может иметь и отрицательные последствия. Это может привести к нарушению конституционной законности со стороны самих же конституционных судов, особенно в условиях экономической и политической нестабильности в странах, переживающих переходный период развития. Поэтому конституционным судам необходимо соблюдать осторожность и осмотрительность при самостоятельном определении и конкретизации своей компетенции [3, с. 156].

В целях предотвращения указанных отрицательных последствий многие государства законодательно закрепляют прямые и косвенные ограничения компетенции органов конституционного контроля.

В частности, в законах ряда государств закреплён принцип, согласно которому конституционный суд обязан решать исключительно вопросы права (Литва, Молдова, Россия). Если конституционный суд сталкивается в своей практике с вопросами, касающимися политических, экономических, социальных и иных отношений, то он должен оценивать и решать только правовые аспекты этих вопросов [15, с. 48].

Например, рассматривая запрос группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности ряда положений Федерального закона от 21 июня 1995 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», Конституционный Суд РФ указал в определении, что сам момент обращения (спустя пять месяцев после вступления Закона в силу, более чем через два месяца после начала избирательной кампании) свидетельствует о том, что реальная позиция заявителей является в большей мере политической, а не правовой, и Конституционный Суд должен воздерживаться от рассмотрения дел, в которых, по сути, преобладают аспекты политической целесообразности [2, с. 22-25].

Ограничением компетенции органов конституционного контроля является также принцип недопущения рассмотрения конституционным судом вопросов своей компетенции по собственной инициативе. В результате конституционных реформ 1993 и 1996 гг. права на такую инициативу лишились Конституционные суды России и Белоруссии [7, с. 45].

Помимо соблюдения указанных выше ограничений конституционный суд обязан также воздерживаться от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов.

В частности, п. 1 ст. 6 Кодекса конституционной юрисдикции Молдовы гласит, что Конституционный суд разрешает только те вопросы, которые входят в его компетенцию. Если в процессе рассмотрения возникают вопросы, относящиеся к компетенции других органов, Конституционный суд передает материалы этим органам или сообщает об этом сторонам и заинтересованным органам и дает соответствующие разъяснения [6, с. 450].

Полномочия конституционных судов неоднократно классифицировались [3, с. 156-199; 5, с. 48-65; 9, с. 74-97; 9, с. 49-51]. По справедливому замечанию Г. Арутюняна, сравнительный анализ функциональных полномочий ныне действующих в мире 108 специализированных институтов конституционного контроля свидетельствуют о том, что им принадлежит около 36 полномочий, но ни в одном институте конституционного правосудия они не сконцентрированы в полном объеме [1, с. 52].

В ходе сравнительного исследования компетенции органов конституционного контроля постсоциалистических государств были выделены следующие их функции и полномочия:

- 1) проверка конституционности законов и других актов органов и должностных лиц публичной власти;
- 2) проверка конституционности международных договоров;
- 3) проверка конституционности внутригосударственных договоров;
- 4) официальное толкование Конституции;
- 5) разрешение споров о компетенции между органами публичной власти;
- 6) защита прав и свобод человека и гражданина по индивидуальным жалобам и запросам судов о проверке конституционного закона или иного акта, подлежащего применению в конкретном деле;
- 7) проверка конституционности проведения референдумов, выборов, осуществления права народной инициативы;

8) проверка конституционности организации и деятельности политических партий и иных общественных организаций;

9) защита Конституции от нарушения ее Президентом, судьями, иными должностными лицами государства (участие в процедуре импичмента);

10) проверка дееспособности главы государства и других высших должностных лиц государства, установление других оснований для досрочного прекращения их полномочий (Эстония, Литва, Болгария, Польша);

11) защита от нарушений конституции парламентом страны или законодательным органом ее автономной территориальной единицы путем дачи заключения или согласования при решении вопроса о роспуске представительных органов (Молдова, Украина);

12) полномочия по даче заключений о мероприятиях, связанных с введением военного (осадного), чрезвычайного положения или с угрозой конституционному строю в государстве (Венгрия);

13) участие в законодательном процессе (осуществление права законодательной инициативы, права на внесение предложений об изменениях и дополнения в конституцию, дача заключений о конституционности предложений о пересмотре конституции);

14) право направлять послания президенту, парламенту об осуществлении конституционной юрисдикции;

15) рассмотрение конституционных жалоб автономных образований, самоуправляющихся территориальных сообществ, органов местного самоуправления, конфессиональных обществ на незаконное вмешательство государства в их деятельность (Чехия);

16) участие в процедуре принятия присяги президентом, право принимать регламент и др.

Указанные полномочия не охватывают все аспекты компетенции, свойственные тому или иному конституционному суду. В то же время не все эти полномочия осуществляет конституционный суд конкретной страны.

По замечанию Г. Арутюняна, тенденции развития системы конституционного правосудия направлены на то, чтобы все акты и действия конституционных институтов стали объектом конституционного контроля, а все конституционные субъекты, в первую очередь, граждане, имели право обращения в конституционные суды. Изучение генезиса, диалектики развития и современного состояния конституционного правосудия в мировой практике приводит к общему заключению, что если двадцатый век стал веком становления, то двадцать первый век станет веком всестороннего проявления внутренних возможностей всей системы конституционного контроля [1, с. 53].

В связи с этим вопрос о компетенции конституционного суда и объеме его полномочий является одной из актуальных проблем конституционного права.

Список литературы:

1. Арутюнян Г. Перспективы совершенствования системы конституционного правосудия: функциональные и институциональные проблемы (некоторые тезисы и обобщения) // Конституционное правосудие. - 2002. - № 4 (14).
2. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. - 1995. - № 6.
3. Витрук Н.В. Конституционное правосудие: учебное пособие. - М.: ЮНИТИ, 1998.
4. Декрет Президента Республики Беларусь от 26 июня 2008 г. № 14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2008. - № 158.
5. Клишас А.А. Конституционная юстиция в зарубежных странах. - М.: «Международные отношения», 2004.
6. Кодекс конституционной юрисдикции Молдовы // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. Сборник нормативных актов / отв. ред. М.А. Митюков. - М.: «Зерцало», 1998.
7. Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. Сборник нормативных актов / отв. ред. М.А. Митюков. – М.: Издательство «Зерцало», 1998.
8. Конституция Латвийской Республики // Конституции государств Центральной и Восточной Европы / Отв. ред. Н.В. Варламова. – М., 1997. – С. 135-145.
9. Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. - М.: БЕК, 1998.
10. Митюков М.А. Конституционные суды на постсоветском пространстве: сравнительное исследование законодательства и судебной практики. - М.: МОНФ, 1999.
11. О Конституционном суде РФ: Федеральный конституционный закон от 12 июля 1994 года № 1-ФЗК // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 13. - Ст. 1447; 2001. - № 7. - Ст. 607; № 51. - Ст. 4824; 2004. - № 24. - Ст. 2334; Российская газета. - 2005. - 9 апреля.
12. Российская газета. - 2002. - № 10.
13. Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 21. - Ст. 1976.
14. Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 45. - Ст. 5202.
15. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий. - М.: Юридическая литература, 1996.

5.3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УЧАСТИЕ В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Торилова Ирина Александровна

*преподаватель, Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева,
РФ, Республика Мордовия, г. Саранск,*

Пяткина Виктория Вячеславовна

*студент, Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева,
РФ, Республика Мордовия, г. Саранск,*

TO THE QUESTION OF INVOLVING MINORS PARTICIPATION IN MILITARY CONFLICTS

Irina Torilova

*teacher, Ogarev Mordovia State University,
Russia, The Republic of Mordovia, Saransk*

Viktoriya Pyatkina

*student, Ogarev Mordovia State University,
Russia, The Republic of Mordovia, Saransk*

Аннотация: в статье рассматривается проблема вовлечения детей в участие в военных действиях. Описывается статус детей при их участии в военных конфликтах, уголовная ответственность за нарушение их прав. Говорится о положении Российской Федерации в вопросах ратификации нормативно-правовых актов, затрагивающих вопросы вербовки и использования несовершеннолетних, в период военных конфликтов. Рассматривается международная практика расследования преступлений подобного характера.

Abstract. The article deals with the problem of involving children in participating in hostilities. The status of children, with their participation in

military conflicts, is described as criminal liability for violation of their rights. It is a question of the situation of the Russian Federation in matters of ratification of normative and legal acts affecting the recruitment and use of minors in times of military conflicts. The international practice of investigating crimes of a similar nature is being considered.

Ключевые слова: международное гуманитарное право; несовершеннолетние; военные конфликты; военные преступления.

Keywords: International humanitarian law; minors; military conflicts; war crimes.

Впервые вопрос о юридической защите детей в международном гуманитарном праве был поднят после Второй мировой войны. До этого дети не выделялись в специальную категорию, требующую особой защиты. Охрана несовершеннолетних проходила в рамках защиты всего гражданского населения, основанного на международном принципе гуманизма.

Позиция России в вопросе призывного возраста построена на дифференцированном подходе. Сохраняется общий принцип ст. 1 Конвенции о правах ребенка, и одновременно существуют исключения, касающиеся подростков, которые делают выбор в пользу профессионального военного образования [4].

Тем не менее, тысячи детей в настоящее время задействованы в боевых действиях. Многие из них, оставшись сиротами, таким образом спасаются от голода и нищеты, некоторых принуждают вступать в ряды войск силой, кто-то из несовершеннолетних оказывается под мощнейшим влиянием идеологии. Политические и военные события в Чеченской Республике, Ираке, Афганистане, Таджикистане, Южной Осетии, Украине за последние годы показывают особую незащищенность детей во время вооруженных противостояний, несмотря на, казалось бы, совершенную и развитую систему норм международного права.

При этом страдает самый уязвимый слой общества – дети. Их роль в вооруженных конфликтах в основном заключается в обслуживании основных войск, что также подразумевает большой риск для здоровья: дети подают снаряды, переносят амуницию и раненых солдат, помогают на кухне и выполняют другие хозяйственные обязанности. Если же дети принимают непосредственное участие в боевых действиях, то иногда они, как необученные искусству войны и слабые по своей природе используются в качестве массы, обреченной на бессмысленное уничтожение. В последнее время распространилось использование детей в качестве террористов-смертников, девочки

часто подвергаются сексуальному насилию. Помимо колоссального ущерба здоровью ребенка, повышению детской смертности, эти действия наносят огромный вред еще неокрепшей психике ребенка.

Само понятие детей-солдат появилось очень давно, но юридическую регламентацию приобрело только с развитием международного гуманитарного права после Второй мировой войны. Ни один нормативно-правовой акт не дает точного понятия ребенка-солдата, однако понятно, что речь идет о несовершеннолетних, активно участвующих в боевых действиях и вооружённых конфликтах. Согласно Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года дети пользуются особым уважением, и им обеспечивается защита от любого рода непристойных посягательств в период военных конфликтов [3]. Тем не менее, ребенок, достигший пятнадцатилетнего возраста, может участвовать в боевых действиях, получая полноценный статус комбатанта. Согласно статье 43 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, комбатанты – это лица, входящие в состав вооруженных сил воюющего государства, которые имеют право принимать участие в военных действиях.

Правовой статус комбатанта включает:

- право применять военное насилие;
- быть объектом применения военного насилия вплоть до физического уничтожения;
- право на обращение с ним как с военнопленным при попадании в руки неприятеля [3].

Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 25 мая 2000 год и вступивший в силу 12 февраля 2002 года, повысил минимальный возраст для участия в вооруженных конфликтах до 18 лет. В статье 1 выше указанного протокола говорится: «Государства-участники принимают все возможные меры для обеспечения того, чтобы военнослужащие их вооруженных сил, не достигшие 18-летнего возраста, не принимали прямого участия в военных действиях» [9].

Государства, которые все же допускают добровольный призыв в армию до 18 лет, обязаны предоставить в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка гарантии обеспечивающие, чтобы:

- такой призыв носил в действительности добровольный характер;
- такой призыв производился с осознанного согласия родителей или законных опекунов данного лица;

- такие лица были в полной мере информированы об обязанностях, связанных с несением такой военной службы;
- такие лица представляли достоверные свидетельства своего возраста до их принятия на национальную военную службу [9].

Существует также оговорка, что при вовлечении несовершеннолетних в участие в вооруженных конфликтах предпочтение отдается более старшим детям, не достигшим совершеннолетия. Вербовка детей в возрасте до пятнадцати лет является военным преступлением. В настоящее время нарушение норм международного гуманитарного права встречается довольно часто, что подтверждается Докладом Генерального секретаря Совета Безопасности Генеральной ассамблеи ООН. В этом выступлении было сказано -о Центрально-африканской Республике, Афганистане, Демократической Республике Конго, Ираке, где зафиксированы случаи вербовки детей. По подтвержденной информации Организации Объединенных Наций число подтвержденных случаев вербовки и использования детей в Афганистане по сравнению с 2014 годом возросло более чем в два раза. В общей сложности за отчетный период зафиксировано 116 случаев. В Демократической Республике Конго были завербованы 488 детей (из них 26 – девочки); 30 процентам из них на момент вербовки было меньше 15 лет. ООН документально зафиксировала 40 случаев вербовки и использования детей в Центрально-африканской Республике. 19 инцидентов были приписаны запрещенной в России террористической организации ИГИЛ на территории Ирака [2].

Как правило, большинство стран, в которых совершаются военные преступления подобного характера, не ратифицировали Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, в котором затрагиваются вопросы вовлечения детей в международные вооруженные конфликты. Но даже в этом случае дети обязаны находится под защитой, т.к. существует оговорка Мартенса: «...гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, истекающих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и требований общественного сознания» [8].

Согласно ст. 15, ч. 4 Конституции РФ принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации [5].

Военные преступления, в том числе, вербовка детей для участия в военных конфликтах, находятся в ведении Европейского Суда по правам человека, юрисдикция которого распространяется на Россию с 1998 года. Соответственно, уголовное преследование за преступления

против человечества также осуществляется Европейским судом. Военные преступления, совершенные при международных конфликтах расследует постоянно действующий Международный Уголовный Суд. Он наделен полномочиями судить физических лиц и привлекать их к ответственности за военные преступления, преступления против человечности и преступление геноцида. Однако Российская Федерация подписала Римский статут 13 сентября 2000 года, но так и не ратифицировала его и, таким образом, государством-участником Международного уголовного суда не является до сих пор. При этом Россия сотрудничала с МУС и участвовала в его работе в качестве наблюдателя. США, Китай, Индия, Израиль и Иран также принципиально возражают против самой идеи Международного уголовного суда, так как он своеобразно ограничивает суверенитет государств. Это затрудняет определение подсудности преступлений, совершенных выше перечисленными государствами.

Важно также помнить, что военные преступления не имеют срока давности, а согласно принципу универсальной юрисдикции, государство обязано преследовать военных преступников, находящихся на его территории, независимо от их гражданства, национальности, независимо от того, где и против кого они совершили военное преступление. Поэтому государство должно либо само судить человека, обвиняемого в совершении военного преступления, либо выдать его другому государству, сделавшему соответствующий запрос.

В мировой судебной практике обвинение в принудительной вербовке детей-солдат предъявляется гораздо реже, чем преступления совершаются. Одним из самых известных дел стало разбирательство от 14 марта 2012 г. Судебная палата I Международного уголовного суда единогласно признала Томаса Лубанга Дьило виновным в военном преступлении в качестве соисполнителя: набор и вербовка детей в возрасте до 15 лет в состав вооруженных групп «Патриотические силы освобождения Конго» и их использование для активного участия в боевых действиях. Дети направлялись на обучение в военные лагеря, где их готовили либо в личные телохранители Лубанги и его соратников, либо в простые солдаты. Судебная палата приговорила Томаса Лубанга Дьило к 14 годам лишения свободы. В настоящее время Лубанга отбывает наказание в специальной тюрьме в Гааге.

Еще одно громкое преступление, которое расследовал Специальный суд по Сьерра-Леоне, было совершено бывшим президентом Либерии Чарльзом Ганкаем Тейлором. 26 апреля 2006 г. было вынесено решение, в котором он признан виновным в

пособничестве и подстрекательстве, направленных на совершение военных преступлений. Одним из пунктов обвинения является набор и вербовка детей, не достигших 15-летнего возраста, для активного участия в военных действиях. Тем не менее, случаи уголовного преследования за нарушение запрещения вербовки детей младше 15 лет остаются редки на национальном и международном уровне [1; с. 23].

Печальный опыт показывает, что дети, которые были завербованы для участия в боевых действиях сами часто становились свидетелями жестоких убийств и насилия. Неокрепший детский ум легко поддается психическому влиянию, принуждение к совершению жестокости не остаётся бесследным. Реабилитация таких детей является очень сложным, долговременным и медленно текущим процессом. Ребенок-солдат, взявший в руки оружие, в первую очередь убивает свое детство.

Список литературы:

1. Борченко В.А. Защита прав несовершеннолетних в период вооруженных конфликтов / В.А. Борченко, Н.В. Долганова // Вестник Прикамского социального института. – 2016. – № 1(73). – С. 19–23.
2. Доклад Генерального секретаря Совета Безопасности Генеральной ассамблеи ООН от 05.06.2015 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=557abfee4> (дата обращения: 10.03.2017).
3. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Подписан в Женеве 8 июня 1977 г. – [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Конвенция о правах ребенка. Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. - [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 4. - ст. 445.
6. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. Принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1989 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (дата обращения 10.03.2017).

7. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят в Нью-Йорке 16 декабря 1966 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol (дата обращения 10.03.2017).
8. Оговорка Мартенса - история и юридическое содержание.– Москва: Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU от 29 сентября 2004 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portalus.ru/modules/politics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1096454408&archive=1397901465&start_from=&ucat=& (дата обращения: 10.03.2017).
9. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах. Принят в Нью-Йорке 25 мая 2000 г. – [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5.4. ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ВETERANОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Ковтун Надежда Анатольевна

*канд. пед. наук, преподаватель,
Ростовский филиал Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»,
РФ, г. Ростов-на-Дону*

Соковых Ирина Ибрагимовна

*студент, Ростовский филиал Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»,
РФ, г. Ростов-на-Дону*

SOCIAL PROTECTION OF VETERANS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND WAYS OF IMPROVEMENT

Nadezhda Kovtun

*candidate of pedagogical sciences, teacher,
Rostov branch of Federal state-funded educational institution
of the higher education «Russian state university of justice»,
Russia, Rostov-on-Don*

Irina Sokovykh

*student, Rostov branch of Federal state-funded educational institution
of the higher education «Russian state university of justice»,
Russia, Rostov-on-Don*

Аннотация. Забота о ветеранах Великой Отечественной войны была и остается приоритетным направлением социальной защиты населения. В данной статье проведен анализ действующего законодательства и мер, осуществляемых государством и его структурными подразделениями, а также приведены предложения по совершенствованию социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны в России.

Abstract. Care of veterans of the Great Patriotic War was and remains the priority direction of social protection of the population. In this article the analysis of the current legislation and the measures which are carried out by the state and its structural divisions is carried out, and suggestions for improvement of social protection of veterans of the Great Patriotic War are also given in Russia.

Ключевые слова: социальная защита; ветераны Великой Отечественной войны; государственная политика; модернизация системы оказания социальной поддержки.

Keywords: social protection; veterans of the Great Patriotic War; state policy; modernizations of system of rendering social support.

Социальная защита ветеранов Великой Отечественной войны – это система мероприятий, осуществляемая государством Российской Федерации, его структурными подразделениями и обществом в целом, направлена на обеспечение гарантированных условий жизни, поддержания жизнеобеспечения и существования ветерана ВОВ. С момента окончания войны повышение качества жизни ветеранов Великой Отечественной войны является одной из важнейших задач российского государства.

Государственная политика в сфере социальной защиты ветеранов ВОВ в РФ является приоритетной и выражается в формировании определенных структур в органах государственной власти, на которые возлагаются консультативно-координирующие, контрольно-надзорные и иные функции. На обеспечение прав и гарантий ветеранов ВОВ выделяются средства из всех уровней бюджета, а также расширяется круг получателей пособий и льгот. Они направлены в первую очередь на удовлетворение базовых потребностей ветеранов в социальной и медицинской, психологической помощи, увеличению размеров материальной помощи.

Реализация государственной политики в отношении ветеранов ВОВ осуществляется непосредственно федеральными органами государственной власти, а также субъектов РФ и местного самоуправ-

ления. Особую роль играют органы социальной защиты населения, а также Министерство труда и социального развития Российской Федерации и Фонд социального страхования РФ, которые регулярно издают правовые акты, положения которых разъясняют применение законодательства в сфере социальной защиты ветеранов ВОВ.

На данный момент базовым правовым актом, в котором закреплён правовой статус ветеранов ВОВ, является Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах». В данном законе отражены важнейшие правовые положения, регулирующие гарантированную социальную защиту ветеранов ВОВ. Однако в течение достаточно длительного времени система социальной защиты ветеранов ВОВ представляла собой значительное по объёму сочетание разноплановых правовых актов, обладавших различной ведомственной принадлежностью, что создавало определённые трудности при их применении. В связи с принятием Федерального закона «О ветеранах» от 12.01.1995 № 5-ФЗ устранилось большинство проблем правоприменительной практики, что позволило сформировать единую правовую основу государственной социальной политики по защите ветеранов ВОВ.

В 2000 году вышел Указ Президента Российской Федерации о Российском организационном комитете «Победа» (Указ от 5 августа 2000 г. № 1441). В качестве основных задач в нём определялось осуществление мер, направленных на создание условий, обеспечивающих социально-экономическое и моральное благополучие ветеранов, координация деятельности органов исполнительной власти, научных и образовательных учреждений, профсоюзных организаций, ветеранских и других общественных объединений по решению проблем [4].

Система законодательства РФ о ветеранах Великой Отечественной войны, которую выделяет Е.Г. Назаров, представлена двумя уровнями: федеральным и региональным. Федеральный уровень определяет основные направления государственной социальной политики в данной сфере, социальные гарантии, процедуру их предоставления всем категориям ветеранов, правовые гарантии социальной защиты ветеранов, меры социальной поддержки которых являются расходными обязательствами РФ. На уровне субъектов РФ устанавливаются дополнительные гарантии и меры социальной поддержки ветеранов [2, с. 56].

Важным законодательным новшеством является создание нового документа, разработанного Правительством России, включающего Концепцию отношения к старшему поколению населения РФ, введенной постановлением Правительства РФ от 5 февраля 2016 года № 164-р. Данная Концепция разработана до 2025 года и включает в себя решения важных проблем старшего поколения, таких как

доходы и занятость граждан старшего поколения, обеспечение здоровья и социальное обслуживание граждан старшего поколения и ряда других.

В 2016 году состоялся круглый стол на тему «Защита чести и достоинства ветеранов войны, боевых действий и вооружённых конфликтов. Актуальные социально-экономические проблемы ветеранов». По результатам его проведения были разработаны рекомендации и направления, необходимые для улучшения социально-экономического положения ветеранов Великой Отечественной войны.

Согласно данным Министерства труда и социальной защиты РФ, по состоянию на 2015 год в Российской Федерации проживают 45 381 инвалид Великой Отечественной войны; 214 298 участников Великой Отечественной войны, ставших инвалидами; 9 617 участников Великой Отечественной войны из числа военнослужащих, проходивших военную службу в воинских частях, не входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны.

Суммы, направляемые на оплату социальных услуг, с 1 февраля 2016 года составляют: 766,55 рублей – на обеспечение необходимыми лекарствами; 118,59 рублей – на предоставление путевок в санатории; 110,09 рублей – на бесплатный проезд на пригородном ж/д и междугородном транспорте. Полная стоимость НСУ с 1.02.2016 г. – 995,20 рублей [5, с. 128]. Таким образом, с 1 февраля 2016 года размеры ежемесячной денежной выплаты ветеранам Великой Отечественной войны увеличены на 7 %.

Нельзя не согласиться с точкой зрения А.В. Зориктуева, который подчеркивает активную роль государственных органов субъектов РФ в совершенствовании вопросов социальной защиты ветеранов. В большинстве регионов приняты нормативные правовые акты, которые устанавливают ветеранам Великой Отечественной войны дополнительные социальные услуги, меры социальной поддержки [1, с. 118].

Среди наиболее востребованных направлений социального обслуживания ветеранов ВОВ является оказание услуг на дому. Активно внедряются новые формы оказания адресной социальной помощи с использованием электронного социального сертификата. Ветераны ВОВ получают пенсионные и иные выплаты и льготы, включая обеспечение жилыми площадями ветеранов, компенсацию расходов на коммунальное хозяйство и оплату проживания и т.д.

Основными подразделениями по проведению организационно-методической работы в субъектах РФ по оказанию медицинской помощи ветеранам ВОВ являются госпитали ветеранов войн. Ветеранов ВОВ ежегодно отправляют на санитарно-курортное лечение. Правительством Российской Федерации ежегодно оказывается

государственная поддержка общественным организациям ветеранов ВОВ. Для удовлетворения индивидуальных потребностей в субъектах РФ продолжается работа по внедрению современных технологий ухода и инновационных форм предоставления услуг пожилым гражданам (создание приемной семьи, службы сиделок для ветеранов, внедрение технологии «тревожная кнопка» и т.д.). Так, например, в 2015 году адресная социальная помощь в виде товаров длительного пользования была оказана более 11 тыс. ветеранов, из них более 2,6 тыс. с использованием электронного социального сертификата; продовольственная помощь – более 197 тыс. человек [3, с. 93].

Таким образом, проведенный нами анализ социального обеспечения ветеранов Великой Отечественной войны позволяет нам констатировать, что ветераны ВОВ получают необходимые им меры социальной поддержки, однако некоторые аспекты этой системы являются несовершенными. Поэтому необходимо проведение модернизации системы оказания социальной поддержки ветеранам Великой Отечественной войны в соответствии с развитием современного общества.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем важным реализацию следующих положений:

1) Возвести адресность в качестве основного показателя, который будет отражать эффективность мер социальной защиты населения в РФ, так как социальная помощь должна оказываться всем нуждающимся в ней лицам, в том числе и ветеранам Великой Отечественной войны. Исходя из этого, необходимо обеспечить формирование полноценного информационного обеспечения, в основе которого достоверная персонифицированная информация обо всех получателях социальной поддержки и о лицах, которые в ней нуждаются;

2) В настоящее время нет четкого определения законом такой категории, как «дети войны», также нет правового акта, который бы закреплял льготы для данной категории граждан. Однако проект федерального закона был внесен в Государственную думу под названием «О детях войны», но был отклонен. В проекте предлагалось к этой категории причислять граждан, родившихся в период с 22 июня 1928 года по 3 сентября 1945 года, постоянно проживавших на территории бывшего СССР (за исключением тех, кто отбывал здесь наказание). При этом 18 регионов РФ изыскивали средства для введения льгот, а в некоторых регионах эта категория граждан частично их получает. Мы понимаем, что принятие и реализация данного закона должно происходить поэтапно, так как нагрузка на бюджет для реализации данного проекта будет большой. На наш взгляд, необходимо будет произвести изменения в федеральном и региональном законода-

тельстве, а также подготовить нормативные документы органами исполнительной власти. Таким образом, реализация данного проекта, хоть и вызывает определенные трудности, но его необходимость очевидна, так как данная категория граждан тоже заслуживает внимания со стороны государства и общества в целом;

3) Сделать более доступной и расширить Единую электронную базу данных «Память Народа», перевести её в статус единой Всероссийской базы данных. Многие проблемы для тех, кто продолжает поиск погибших и пропавших без вести, происходят из-за разобщенности министерств и ведомств, где каждое из них имеет свою защищенную базу данных ветеранов. Это позволило бы определить точное количество ветеранов боевых действий в России;

4) Необходимо усилить работу во всех звеньях образования, на уровне муниципалитетов, государственных и общественных организаций в рамках создания проектов, ориентированных на патриотическое воспитание российской молодежи (на примере опыта организации шефства в пионерских организациях СССР и современной акции «Бессмертный полк»);

5) Для повышения эффективности социальной защиты ветеранов ВОВ на региональном и местном уровнях необходимо стимулировать создание Фондов поддержки ветеранов ВОВ, осуществляющих благотворительную деятельность, а также стимулировать деятельность волонтерских движения в РФ (оказание помощи на дому, психологическая и моральная поддержка, общение и другое);

6) Считаю важным на законодательном уровне ввести омбудсмена по делам ветеранов для решения социально-экономических проблем ветеранов, защиты чести и достоинства ветеранов войны, боевых действий и вооружённых конфликтов;

7) Рассмотреть возможность создания единой ветеранской организации России, как например, Министерство по делам ветеранов, которое функционирует в США.

Список литературы:

1. Зорикгуева А.В. Социальная защита ветеранов Великой Отечественной войны как объект государственного управления // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 118.
2. Назаров Е.Г. Вопросы осуществления полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере социального обслуживания населения / Современные тенденции в развитии трудового права и права социального обеспечения: материалы Международной научно-практической конф. / под ред. К.Н. Гусова. – М.: ТК «Велби», изд-во «Проспект», 2014. – С. 56.

3. Наклонов Д.Н. Формирование системы социальной защиты населения в России. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2008. – С. 93.
4. Указ Президента РФ от 5 августа 2000 г. № 1441 «О Российском организационном комитете «Победа» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/1583806/> (дата обращения: 09.03.2017).
5. Храпылина Л.П. Социальная политика России. – М.: КНОРУС, 2011. – 632 с.

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам IV международной заочной
научно-практической конференции*

№ 2 (4)
Март 2017 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 20.03.17. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,125. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
127106, г. Москва, Гостиничный проезд, д. 6, корп. 2, офис 213
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru